

Анна Влади

Ольга
Уроки престольного перволетья

Хочешь управлять державой, научись управлять её князем.
Хочешь управлять князем, научись управлять собой.

Анна Влади

**Ольга. Уроки
престольного перволетья**

«Автор»

2023

Влади А.

Ольга. Уроки престольного перволетья / А. Влади — «Автор», 2023

Ольга выходит замуж за князя Игоря Рюриковича и получает титул княгини Киевской. Но называться – не значит быть. Державный супруг не спешит помогать молодой жене становиться полноправной хозяйкой в его доме. Рядом с Игорем множество людей, привыкших получать выгоды от своей близости к правителю и умеющих ему угождать. Ольга попадает в водоворот интриг недоброжелателей, которые пытаются опорочить новоявленную княгиню. Борьба Ольги за своё место во власти происходит на фоне непростых событий в Киеве. Смоленск и расположенные к западу от Киева города Червонной Руси соперничают с Киевской державой за ведущую роль в торговле, как с Востоком, так и с Византией. Князь Игорь ищет возможности продления торгового договора с Византией, срок действия которого подходит к концу. От успеха этого предприятия зависит будущее положение Киева среди своих соседей-соперников.

© Влади А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Свадьба	5
2. Княгиня	16
3. Были и басни	27
4. Расставание и раздор	38
5. Ссора с волхвами	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Влади

Ольга. Уроки престольного перволетья

1. Свадьба

- Удалось на причалы-то сбегать, на невесту князеву поглазеть?
- Удалось, удалось, милая. Я ведь в самые первые ряды протиснулась, дотошливо девку разглядела...
- Ну же, сказывай скорей, не томи... Какова собой будущая княгиня? Хороша?
- Хороша-а... Лицо бело, нежно. Очи велики, ясны. Сини, кажись... Брови и ресницы темны. Уста червлёны...
- А волосы, волосы-то каковы? Поди, черны, раз брови темны?
- Не-е. Не угадала. Светлы. Аки лён... И густы...
- Вот же, бывает такое. Кудрявы, прямы?
- Прямы. По плечам и спине этак раскинуты были... паволокой переливчатой. И перлами перевиты на висках...
- Высока ли, низка?
- Ну-у... Не низка, не высока... Хотя... Всё ж, верней, высока... Для девки... Почти с князем вровень...
- Телом как? Худа, изобильна?
- Всяко не изобильна... Но и не сказать, что худа... Точёна... И гибка... Что берёзка. А ступает – плывёт... Ровно лебедь белая... Ладная девка...
- А князь что?
- А что князь... Мог ведь и познатней невесту сыскать. А взял эту. Не за одно приданое, поди. За красу... Влюбился, видать...

Дверь в горницу резко распахнулась. Чернавки охнули, испуганно замерли. За порогом стояли две женщины. Грозно взирала на чернавок из-под нахмуренных бровей старшая теремная челядинка Белёна, правая рука госпожи. Крепкие кулаки Белёны были решительно упёрты в мощные бёдра. На полшага позади – будто натянутая струна, прямая и звенящая гневом, явственно ощущаемым в помертвелой тишине, – стояла сама госпожа. Белело в полусумраке сеней её лицо, обрамлённое шёлковым убрусом, играли, переливались самоцветы узорочья, насквозь пронизывал холодом взгляд.

– Чем это вы тут заняты, оплзницы¹? – прикрикнула Белёна, перешагнув порог.

Госпожа не пошевелилась. Вряд ли она мыслила размыкать уста для упрёков, но её ледяное молчание и неподвижность пугали застигнутых за болтовнёй чернавок гораздо сильнее крутых кулаков и резких окриков старшей челядинки...

– Дык мы того... этого... прибиралися... Полы мыли у госпожи в горнице... Как и заведено...

– Слыхали мы, как вы прибиралися! Языками! А ну, пшли отседова! – рявкнула Белёна. – На поварню! Бегом! Бездельницы!

Чернавки подхватили вёдра и ветоши и поспешно покинули горницу. Осторожно, с многократными поклонами миновали госпожу и скрылись с глаз. Госпожа вступила в горницу, подошла к высокому, богатому креслу, опустилась в него...

– Утомилась, матушка. Оно и понятно. Князю – пир да веселье, а тебе – морока да убыль... Ты отдохни... Посиди... Изволишь чего?

¹ Сплетницы – здесь и далее прим. авт.

– Ступай, Белёна, – приказала госпожа. – Оставь меня...

Белёна почтительно поклонилась и вышла, прикрыв за собой дверь.

Госпожа откинулась на спинку кресла, уронила голову на ладонь упёртой в подлокотник руки, закрыла гладкое чело и очи изящными пальцами в дорогих перстнях. На душе было гадко, дурные мысли тяготили ум, глупая бабья болтовня иглой колола висок.

«Точёна, гибка. Берёзка, лебедь! Да что б её! Мало князю баб и девок! Ладных, умелых, послушных... На что ему эта сдалась? Верно, мать свою Игорю напомнила. Его первую кручину... А если, и правда, влюбился? Седина в бороду... Что тогда? В тереме и в Киеве новая хозяйка появится? А мне что? Вон из терема? Ключи от закров и скотницы², будь добра... Ну уж нет! Не отдам! Совсем ты пала духом, матушка... Рано раскисать, рано... Натешится, наиграется, бросит... А не наиграется – разочаруется, осерчает... Князев гнев ведь и подогреть можно... Главное, чтоб не понесла... Но и от того средства есть... Поборемся ещё, повоюем. И поглядим – чья возьмёт... Я одна суть княгиня в Киеве! И пока я жива – другой не бывать!»

В Пировальне, просторном чертоге терема князя Киевского, отведённом для празднеств и увеселений, полуденное столование собрало множество знатных людей. Во главе стола восседал сам Игорь Рюрикович. Три дня назад в Киев прибыли ладьи его невесты, княжны из далёкого Плескова. Пока после дальней дороги в преддверии свадьбы княжна Ольга и её названный батюшка отдыхали, князь Игорь, не жалея сил и не зная устали, развлекал нарочитых гостей, прибывших на торжество, дневными застольями и вечерними пирами.

Одним из гостей за княжеским столом был воевода Свенельд. Он приехал в Киев тогда же три дня назад. Вместе с первейшим советником князя, Асмудом, Свенельд сопровождал князеву невесту и её людей из Новгорода в Киев. Но, в отличие от десницы, Свенельд провёл на севере всю зиму – сначала в Ладоге, затем в Новгороде.

– Стало быть, ты, воевода, исперва Вальгарду-мятежнику сказывал, что не станешь князю Яромиру подсоблять в борьбе за Новгород? – спросил у Свенельда Фаст, седовласый, сухощавый муж преклонных лет, буравя воеводу пронзительным взглядом светлых глаз. Он сидел за столом напротив Свенельда, среди людей, особо приближённых к князю. – А Яромир Плесковский, между тем, будущий тесть нашего Игоря. Ему не помочь – значит, супротив самого князя пойти...

Фаст позволил себе назвать князя Киевского одним лишь именем, потому как приходился ему родичем: когда-то был вторым супругом ныне покойной Ефандры, матери Игоря. Ефандра после смерти Рюрика перебралась из Новгорода в Киев к сводному брату. Олег Вещий устроил брак сестры по отцу со своим воеводой. Сейчас Фаст правил в названном в честь него же городке-заставе на реке Ирпень – Фастово, крепости на границе с землями древлян. Его сыновья, сводные братья князя Киевского, Турдв и Карень, сидели наместниками в Чернигове и Любече, градах, расположенных от Киева выше по течению Днепра. Их ладьи присоединились к поезду будущей княгини по пути в стольный град.

Обо всём, что случилось прошедшей зимой в Новгороде, братья узнали по дороге и, вероятно, успели поведать отцу, встретившись с ним в Киеве. Да и сам Свенельд неоднократно рассказывал о бранных делах с сыном бывшего наместника Новгорода: и князю докладывал сразу по приезде, и на вопросы любопытствующих гостей раз за разом отвечал. Но недоверчивый, вредный старик, мнивший себя чуть ли не вторым человеком после князя – отчим же вроде как – желал самолично допросить Свенельда: вдруг дрогнет воевода под его пристальным взглядом, коли в дурном повинен.

Сколько уж всего полезного Свенельд сделал для князя Киевского, будучи у него в услужении, а всё недостаточно хорош был. Или же наоборот – слишком хорош... Больно ловок, без

² Казна

меры удачлив, чересчур приближён к некоторым членам княжеской семьи. Так за спиной Свенельда шептались иные нарочитые мужи, сами-то не особо спешащие оторвать зады от насиженных мест ради княжеской службы. Впрочем, к Фасту это не относилось. Он верно послужил в своё время и Олегу Вещему, и нынешнему князю Игорю.

– Я ведь так нарочно людям Вальгарда сказал, – терпеливо пояснил Свенельд. – Чтобы они не затаились, а в Новгород воевать пошли, а там уж и в ловушку попались.

– Что же ты Яромиру о ловушке не рассказал, отчего в неведении его держал – то ли поможешь, то ли нет?

– Так ведь гонцов пришлось бы к князю Плесковскому отправлять, людей лишних в замыслы посвящать. Тебе же самому известно, воевода Фаст, – чем больше людей знают бранные замыслы, тем трудней сохранять их в тайне. А проведая о том, что я князя Яромира усилю, Вальгард бы забился в крысиную нору, стал бы гонцов окрест слать, пособников себе искать, войско укреплять. Нельзя ему было позволять этого. Пособники нашлись бы. Володислав Смоленский – тому подтверждение...

– Да, Володислав – паскудник... И хитёр, крысёныш. Войны Киеву не объявлял, а дружину Вальгарду прислал. Разобраться с ним надобно. Княже! – окликнул Фаст Игоря. – Когда на Смоленск войной пойдём?

Едва Фаст перевёл внимание с воеводы на князя, к Свенельду тут же устремилась теремная челядинка с кувшином. Подойдя, прислужница склонилась, подлила в кубок хмельного и шепнула:

– Господин, тебя княжна ждёт. Только не через терем ступай, а с улицы...

Свенельд едва заметно кивнул, выждал время, поднялся из-за стола и покинул Пировальню через распахнутые двери, ведущие на Красное крыльцо, расположенное с южного торца терема. В Пировальне имелся и другой выход, в смежную горницу, предназначенную для приёма посетителей, – Князев Приказ, откуда в свою очередь можно было попасть в прихожие сени, соединявшиеся лестницей с жилыми покоем во втором ярусе терема. Челядинка, прося не ходить к княжне через терем, разумела этот, второй путь.

Стражники у крыльца с любопытством покосились на воеводу. Лица их были Свенельду незнакомы. Новый начальник стражи, Милонег, вступив прошлой зимой в должность, поспешил заменить людей, когда-то набранных в охрану терема Свенельдом. Воевода ухмыльнулся, подумав о том, что и самого Милонегу он, было дело, нанимал в стражу собственноручно.

Свенельд обогнул терем и поднялся по внешней лестнице, ведущей с внутреннего двора хором сразу во второй ярус. Стражники у дверей покоев посмотрели на него безо всякого выражения. Это были люди из личной охраны княжны, обученные ничему не удивляться и ничего лишнего не замечать и не запоминать.

– Будь здрава, княжна, – Свенельд переступил порог приёмной горницы и склонил голову. – Звала?

– Виделись уж нынче, – прозвучал недовольный ответ. – Не здравия желать звала...

Княжна замолчала, направив на воеводу холодный испытующий взгляд. Она восседала на престольном кресле – красивая и надменная, как и всегда.

– А для чего? – не смутившись, спросил Свенельд.

– А тебе что, и сказать мне нечего? В Киев три дня как приехал, а прийти не спешишь. Объясниться, я гляжу, ты не намерен.

– Ты не зовёшь – я не иду. Я – человек служивый, подневольный. Делаю, что велят, когда спрашивают – отвечаю. А не велят – не делаю и молчу.

– Ой ли! Рассказывай! – фыркнула княжна. – Баснями девок сенных будешь потчевать. Загордился, поди, – потому не идёшь. Ты ж у нас теперь – красен добрый молодец, у самого князя в любимцах ходишь. Новгород освободил, сестрича на престол посадил, дружиной укре-

пил и Новгород, и Киев, невесту князю привёз. Но не надейся – князь похвалил, а доверия тебе нет...

– Что ж поделать. Нет – так нет. Выше головы всяко не прыгнешь. А стыдиться мне нечего. Я всегда честно служил и князю, и тебе...

– Честно служил! А восхотелось – и уехал враз! Так ли поступают преданные люди?

– Уехал оттого, что должен был... Отомстить... А уж коли заговорили про преданность – разве я не помог твоему Игорю?

– Ты приказ князя исполнял, – раздражённо бросила княжна, – не ради меня старался. А вот невесту беречь не стоило. Раз ты преданным себя числишь, разуместь должен – не по нраву мне затея князя с женитьбой.

– И что ж я, по-твоему, должен был сделать?

– Володислава предупредил бы. Когда мимо Смоленска шли, его бы дружина напала на лады невесты и полонила девку.

– Вот оно как всё просто, оказывается, – Свенельд рассмеялся. – А я бы сам в ту пору где, по-твоему, был? Тоже бы в полон Володиславу сдался? Не смешно?

– Не смешно! – отрезала княжна. – Будто я тебя не знаю. Придумал бы, куда деться, коли бы захотел, – она отмахнулась. – А ты, по всему, не хотел. К новой госпоже, никак, примеряешься. Подношения к свадьбе, поди, заготовил.

– Так ведь война бы разгорелась между Смоленском и Киевом, если бы невесту полонили. Потому мы в Смоленске останавливаться и не стали, – пропустив мимо ушей замечание о новой госпоже, возразил Свенельд. – До войны ли ныне?

– И пусть... И разгорелась бы, – княжна встала из кресла и принялась взволнованно расхаживать по горнице. – Всё лучше, чем терпеть княгиню и её сродственничков из лесной глуши... Ещё и щенков наплодит князю. Корми их потом... А войне равно быть. Князь не спустит Володиславу подлость с Новгородом.

– Можно и без войны Володислава наказать. Мзду взять. Выгод всяческих требовать. И для тебя самой кое-что ценное сыскать. А ты бы князю подсказала, намекнула о том. Тебе ли ссориться с Володиславом – твой Игоряша, почитай, в соседях с ним... Не подумала?

– Ты что-то затеял? – княжна подошла к Свенельду почти вплотную и, задрвав подбородок, вперила в него подозрительный взгляд. Ростом княжна была по плечо воеводе.

– Затеял... Расскажу, коли перестанешь злиться, – мягко молвил Свенельд, склонив к ней лицо.

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга. Она возмущённо, сердито, он любовно, ласково:

– Убрус носить при мне стала – красу прятать... Охрану в тереме поменяла. Милонегу привечаешь... И ещё упрекаешь, что не иду...

Княжна не выдержала – отвела глаза. Щёки её вспыхнули. Когда она вновь посмотрела на Свенельда, недовольство в её взгляде уступило смятению, пышная грудь волной заходила под шёлковым платьем. Заметив эти перемены, воевода медленно, осторожно, не отводя глаз от лица своей собеседницы, обнял её, прижал к себе.

– А ты? – выдохнула княжна, уткнувшись лбом в его грудь. – Ты сам... Уехал... Покинул... Ни слуху ни духу... А мне жди... – пробормотала она. Но сопротивляться и не думала, напротив, подняла голову и посмотрела Свенельду в глаза затуманенным взором. – Как ты мог?

– Но вернулся ведь. И пришёл – лишь позвала. А до того не решался... Не смел без приглашения... – воевода склонился к её устам, коснулся их поцелуем.

В дверь постучали.

– Госпожа, тебя князь зовёт, – раздался из сеней голос челядинки. – Изволь в Пировальню спуститься.

Опомнившись, княжна упёрлась ладонями в грудь воеводы, изогнулась, вывернулась из его объятий, отошла в сторону:

– Поговорили, и полно. Ступай, Свенельд, – томно вздохнула она, не глядя на него. – Позову, коли нужен будешь...

– А буду... нужен? – спросил Свенельд чуть неуверенно, как и должно было опальному полюбовнику, таящему в сердце надежду на прощение. Однако его взгляд, направленный на собеседницу, совершенно не соответствовал тону. Княжна не смотрела на него, и можно было не усердствовать в лицедействе. Взгляд воеводы был внимательным, изучающим и бесстрастным, обычным для него – взглядом хищника, терпеливо выслеживающего жертву.

– Подумаю, – слабым голосом, словно готовясь лишиться чувств, ответила княжна. – Не до того теперь – князь зовёт. Ступай...

В Киеве Ольга с батюшкой разместились в тереме боярыни Оды, сестры Асмуда. Боярыня давно вдовствовала, а её сын, женившись, переселился в свой дом – просторный терем Оды пустовал.

До самого дня свадьбы Ольга не покидала этого дома. Она лишь ненадолго выходила во двор, прогуливалась от одной стороны тына до другой, несколько раз туда и обратно, и возвращалась. Всё остальное время она рукодельничала, спала, смотрела в распахнутое окно, примеряла свадебный наряд, над которым не покладая рук трудились мастерицы.

Когда-то в Плескове она мечтала увидеть новые земли и далёкие города... Поездка в Киев воплотила её мечту: путешествие показалось ей увлекательным. Ольга легко переносила дорожные тяготы: её не укачивало, она не уставала, не скучала. Даже та непростая часть пути, когда их гребцы и гридни волоком тащили ладьи от одного водоёма до другого, а им, седам, приходилось пешком идти сквозь леса, где вековые деревья подпирали ветвями небосвод, воспринималась ей с радостью.

Но едва ладьи причалили на Почайне, и путь их закончился, радость угасла. Сначала её охватило сильнейшее волнение, убившее всякое любопытство к происходящему, а затем накатило отупляющее безразличие.

Накануне свадьбы батюшка сообщил, что никаких заведённых предками обычаев – ни выкупа, ни свадебного поезда, ни следующих за пиром проводов в чулан-сенник и укладывания на снопяных постелях – князь соблюдать не пожелал.

– Не юнец давно уж князь, дочка. Муж солидный, вступающий в брак перед богами повторе, – говорил батюшка, давая понять, сколь несущественны все эти правила для её могущественного жениха. Яромиру было важно утвердить дочь в княжеском звании, а всё остальное для плесковского правителя значения не имело.

Ольга не печалилась. Ей было безразлично.

Сборы на свадебный пир размыслились в её сознании, как сон. Трогали её чьи-то руки, мелькали вокруг лица, рты раскрывались для участливых или льстивых слов. Ольга кивала в ответ, даже, кажется, улыбалась, исполняла, что велено, надевала, что давали. Ни на что не влиявшая, безвольная кукла-кувадка. По чести сказать, очень красивая и дорого наряженная – на её облачение князь не поскупился – вероятно, чтобы не стыдиться перед гостями своей юной невесты из далёкого Плескова.

Ольгу одели в платье из браного на алой основе шёлка, скроенного на греческий лад, – далматикку. Талию затянули широким парчовым поясом. Из той же парчи, но расшитой жемчугом, были и наручи на запястьях. У основания шеи красовались густые, многонитевые жемчужные бусы, а ниже – ожерелье-полумесяц. Поверх платья полагался шёлковый же плащ с золотканым краем, скреплявшийся у плеча запоной с самоцветами. Золотой венец охватывал чело поверх распущенных волос, на виски с венца спускались тяжёлые, золотые подвески-рясна с колтами-солнышками на концах.

Ольга никогда не видела и уж тем более не надевала на себя столько золота. Немалых усилий требовалось, чтобы гордо и ровно, не согнувши шеи, нести всё это немислимое богатство и великолепие.

К капищу Ольгу провожал батюшка и присланные князем для охраны гридни.

Святылище четырёхликого бога располагалось в ясеновой роще, рядом с княжескими хоромами. Четырёхликого называли Сварогом, Небесным Отцом или попросту Богом. Был он подателем плодородия, главой Рода, мужем Земли-Матушки, отцом красного солнца, жаркого огня, буйного ветра, вольной грозы.

Когда-то, в глубокой древности, повелел Сварог брат мужу женой единственную любимую. Прошло время – многое изменилось, ныне главным богом в Киеве слыл Перун, а князья имели наложниц и пригожих хотей столько, сколько желали, но кое-что осталось непреложным – водимая супруга была единственная – та, с которой мужа связал-сварил Небесный Отец Сварог.

У капища Ольгу встретил князь. Он осмотрел её с головы до пят, одобрительно кивнул и следом сделался нарочито равнодушным, словно будущая супруга нисколько его не занимала. Обряд прошёл спокойно, без подвохов и внезапностей. Волхвы провели жениха и невесту вокруг взирающего своими четырьмя ликами на все стороны света каменного Сварога, сказали требуемые слова. Князь одел Ольге на запястье золотой обруч, коснулся коротким поцелуем губ и повёл к застолью. Празднество происходило на ратном дворе. Жаркий месяц кресень был на исходе, столы расставили и в гриднице и на площади перед ней.

Когда Ольга с Игорем вышли к гостям, толпа за столами ахнула, зашепталась. Сотни гостей, затмевавших друг друга богатством и яркостью одежд, люди все нарочитые, важные и, за малым исключением, Ольге незнакомые, смотрели на молодую супругу князя во все глаза. Праздничный стол ломился от изысканных яств и греческих вин, а самые знатные гости, посаженные вблизи княжеского места, удостоились чести вкушать с серебряных блюд и выпивать из кубков цветного стекла.

Последовали поздравления – почётные гости с пожеланиями долгой жизни и многочисленного потомства подносили княжеской чете свадебные дары.

Более всех гостей Ольгу поразила Предслава, сестра князя, та самая, к которой, по слухам, так приближен был Свенельд. Будучи на пять лет старше князя, то есть уже перешагнув порог своих сорока лет, внешне она выглядела младшей сестрой Игоря. Так как волосы её скрывал убрус, пронизала ли их седина или нет, узнать не представлялось возможным. Лицо же у сестры князя вопреки возрасту оставалось по-молодому гладким и белым. Роста Предслава была невысокого, сложение тела имела, насколько позволяла судить свободная одежда, той приятной пышности, что нравилась мужчинам, стан при этом, перехваченный поясом, излишне полным не выглядел. Та же самая примета власти, присущая и князю Игорю, явственно читалась в выражении её лица, в её прозрачно-серых под тёмными густыми бровями глазах. Если и сидела за этим столом Киевская княгиня – то это, бесспорно, была Предслава. Даже очелье, надетое поверх убруса, богатством и блеском самоцветов превосходило Ольгин венец. Произнося слова поздравления, Предслава по Ольге взглядом лишь мазнула и тут же перевела его на Игоря. Князю же она и в пояс поклонилась, и руку поцеловала.

За столом Предслава сидела сразу за Асмудом, занимавшим по праву первейшего советника место одесную от князя. А рядом с Предславой, как ни странно, сидел не Свенельд, а какой-то другой боярин, молодой и очень видный внешне. Во время речи Предславы, высокий и статный спутник княжеской сестры стоял рядом с ней и держал в руках короб с дарами. Как позже узнала Ольга, боярин, звавшийся Милонегом, был начальником стражи княжеских хором. За Милонегом было за столом место наследнику Игоря – княжичу Олегу. Княжич, в наступившем году достигший своего шестнадцатилетия, женою пока не обзавёлся – нужная невеста ещё не была найдена. Темноволосый и темноглазый, роста он был высокого, сложения

худого – внешностью пошёл, видимо, в свою мать – болгарскую княжну. Он тоже подходил с поздравительным приветствием и подносил дары. Ольгу при этом не рассматривал, глядел лишь на отца, ему же кланялся и руку целовал, но держался не дерзко, а как-то отстранённо, угрюмо.

Следующим чествователем по родству и знатности был Фаст. С его сыновьями, сводными братьями Игоря, Ольга, познакомилась ещё до приезда в Киев, по пути в стольный град. А о том, что Фаст их отец, Ольга узнала уже на свадьбе. Расцеловавшись с Игорем, князев отчим притянул Ольгу к себе:

– Дай и тебя обниму, краса ненаглядная, – промолвил Фаст и неожиданно крепко прижал к себе молодую княгиню, а затем долго держал её в своих объятьях. На этом его внимание к Ольге не было исчерпано – почтенный воевода отстранил новобрачную и, цепко обхватив ладонями её плечи, вперил испытующий взгляд в Ольгино лицо. – Вот, значит, какая у Стемида внучка выросла. Хороша... Вся в бабу и мать, – постановил Фаст, вдоволь наглядевшись. – Ефаныюшка покойная когда ещё породниться со Стемидовой кровью мыслила. Только думала, что в нашу семью дочь Стемида войдёт, а получилось, что внучка... – пустился в рассуждения Фаст. – Князь тебе Высокое пожаловал – это хорошо, это по правде. Дед твой воеводой был в Высоком. Так что, почитай, это твоя вотчина...

Вслед за отцом, с явным удовольствием, безо всякого стеснения, видимо, на правах близких родичей и хороших уже знакомцев, поочерёдно стиснули в объятьях и смачно расцеловали Ольгу её новоявленные девери. Как на подбор, высокие, телесно крепкие сыновья Фаста, производили впечатление мужей той породы, которые всегда сначала ввязываются в драку, и только потом задаются вопросом – для чего. Однако Ольге уже было известно, что сводные братья её супруга – самые верные и надёжные его подданные, и они не раз поддерживали Игоря в его утверждении на киевском престоле.

Поздравляли новобрачных, конечно, и Яромир, и Асмуд. В тот миг, когда говорил батюшка, Ольга испытала чувство гордости – таким спокойным, умным и величественным смотрелся её отец среди этой разряженной и кичливой толпы.

Асмуд поклонился княжеской чете в пояс. С князем троекратно расцеловался, как и Яромир до этого, Ольге поцеловал руку. Батюшка же целовал Ольгу по-отечески, в лоб.

Подходил и Свенельд. Он кланялся не стоя, а опустившись на одно колено, руку целовал и князю, и Ольге. Князю воевода преподнёс в дар меч работы северных кузнецов, а Ольге – шкатулку с золотыми украшениями.

Прочие гости, снискавшие честь личного поздравления, были Ольге не знакомы. Все они уже и кланялись в пол, и руки обоим целовали, не стесняясь при этом разглядывать Ольгу с головы до ног.

Взгляды их были исполнены любопытства и даже некоего едва уловимого презрения – на неё смотрели как на диковинного, но чуждого их миру зверька. Что же за девица такая? Что в ней особенного? Как сумела князю приглянуться настолько, что веденицей³ ныне названа? Да – молодая, да – красивая, но сколько их таких у князя?

Гости подносили свои подарки или в берестяных торбах, или в деревянных шкатулках, в них вкладывались грамотки с именем дарителя. Во время подношения шкатулки и торбы открывались, дары выставлялись напоказ, после подходили отроки, забирали их и складывали в телегу, чтобы затем отвезти всё в терем. Чего только там не было – и паволоки разноцветные, и аксамиты отрезами, и украшения с самоцветами, и оружие князю, и меха, и серебряная посуда...

Потом явились игрецы – зазвучала гудьба и пение, вслед за ними потешали гостей скомо-рохи, изумляли ловкостью трюкачи. Борцы, раздетые до пояса, сходились в кулачном поединке.

³ Законная, старшая жена

Гуслеры услаждали слух стародавними преданиями. Гости хмелели, становились шумными, пересаживались друг к другу для общения – Фаст к Игорю, Асмуд к Яромиру, Свенельд к Предславе – а пригожий Милонег и вовсе куда-то подевался.

Всё это происходило будто отдельно от Ольги, словно в басне о волшебном зеркале – Ольга по эту сторону зеркала, а все прочие – по ту...

И вот князь поднялся из-за стола – на супругу и не поглядел. Услужливые челядинцы за его спиной засуетились – Игорь бросил им какие-то краткие слова, и вскоре к Ольге подошла боярыня Ода – склонилась и сказала на ухо, что настала пора отправляться в опочивальню.

– К супругу подойди, под руку его возьми, – наставляла боярыня. – Да не дрожи так, детонька, – ничего страшного с тобой не приключится. Лишь то, что со всеми жёнами когда-то случилось, и все они и доселе живы-здоровы и охотно делят ложе с мужьями, – шептала Ода, пока вела к ожидавшему её Игорю.

До княжеских хором их сопровождали не гости, а охрана и челядь – и Ольгу это только радовало – не пришлось вымучивать улыбку, выслушивая наставительные срамницы.

В тереме они с супругом на время расстались. Прислужницы увели Ольгу в её покои – омыли душистой водой, облачили в тончайшую белую сорочицу, расчесали волосы и оставили ожидать князя.

Из приоткрытого окна доносились крики, девичий визг, пение. Киев гулял. В честь княжеской свадьбы на Подоле народ бесплатно угощался пирогами и пивом, забавлялся выступлениями висоплясов⁴ и потешников. Кияне веселились и пили за здоровье князя и молодой княгини...

Ольга присела на краешек ложа. То, что ей предстояло – тайной не было. Односельчанки из Выбут делились знанием о том, как любили с парнями. Случалось подобное и безо всяких свадебных рядов, лишь по обоюдному желанию. Людской закон не требовал от простолюдинок беречь себя до свадьбы. Это знатные и родовитые семьи стремились взять невестками нетронутых, едва расцветших девиц, дабы исключить возможность рождения детей чужой крови.

«Со всеми жёнами когда-то случилось», – крутились в голове навязчивые слова, а сердце колотилось так, словно стремилось выскочить из груди. Чужим знанием его было не утешить. Тем простым девам гораздо проще приходилось – они становились жёнами мужей не знатных и могущественных, а желанных и любимых.

Дверь открылась, на пороге появился князь... Ольга тут же вскочила, отошла на середину опочивальни и, обхватив себя руками, замерла. Ей вспомнилось, как они стояли напротив друг друга в Выбутах, когда князь решил позабавиться поединком на деревянных мечях. Как просто было рассуждать, находясь под защитой любящего, влиятельного батюшки, про разумных ворогов, про возможности всегда отыскать взаимное согласие...

– Ну что, жёнушка, семеюшка моя, – усмехнулся Игорь. – Княгиней тебе любиться будет слаще?

Он переступил порог ложницы, захлопнул дверь и приблизился к Ольге.

– Не знаю, князь, не приходилось прежде – не с чем сравнить... – пробормотала Ольга.

– А ты всё та же шутница, – скривился он, взял её за подбородок и взгляделся в лицо.

Вторую руку князь положил ей на поясницу и, чуть надавив ладонью, потянул Ольгу к себе. От него пахло хмелем, а в его тяжёлом взгляде не было ни радости, ни воодушевления, ни даже любострастного предвкушения, как в Выбутах. Это там она являлась желанной добычей, а теперь, переданная в его власть на условиях отца и даже как будто навязанная, потеряла прежнюю ценность.

В устроенной под самой крышей и нагретой за день ложнице было душно, но Ольгу пробирал озноб. Её тело и душа противились его близости – босые ноги упёрлись в ворсистую

⁴ Акробаты

ткань ковра, а ладони – в его грудь. Она отвернула от него лицо, и тотчас, даже не глядя на князя, ощутила взметнувшееся в нём недовольство.

– Вновь шутки шутить затеяла? – выдохнул Игорь с раздражением. – Только нынче шутить мне сподручней будет. Не подумала о том? А я ведь тоже умею... – его пальцы отдёрнулись от её лица, как от чего-то гадкого – он развернулся и отошёл.

Расстегнув и небрежно, прямо на пол, сбросив златотканый плащ, князь присел на ложе и воззрился на Ольгу. Его заледеневший, презрительный взгляд, как на жалкую букашку, – такую нелепую в своём бессмысленном противлении – кто она и кто он – всколыхнул в ней животный страх. И она вдруг поняла – князь ничего не забыл и ничего не простил – ни выстрел в его гридня, ни явленный ему неоднократно отказ, ни принуждение назвать её своей водимой женой и княгиней... Преодолевая себя, Ольга приблизилась к супругу, опустила у его ног на колени.

– Позволь разуть тебя, княже, – промолвила она, уперев взгляд в его жёлтые, с вышивкой сапоги.

– Встань, – холодно прозвучал его голос.

Ольга подняла голову и посмотрела на супруга.

– Отныне делаешь, что я тебе велю. Встань и сними сорочицу...

Ольга послушно выпрямилась и в растерянности замерла, не решаясь разоблачиться до нагого тела перед чужим для неё человеком. Тогда и он поднялся, одним резким движением надорвал на ней ворот сорочицы и скинул дорогую ткань с Ольгиных плеч. Затем медленно обошёл вокруг неё. Небрежно накрутив её волосы на кулак и отведя их от спины, оглядел молодую супругу с головы до ног.

– Неужто Новгород, в самом деле, стоит моего с тобой обручения? – остановившись напротив Ольги, произнёс он задумчиво, будто спрашивал сам у себя. Его ладонь, неспешно заскользила по её телу от шеи до низа живота, а затем переместилась на бёдра и там замерла. – Худа ты, тела недостаточно, – пренебрежительно заключил её супруг.

– А в Выбутах всего достаточно было, – проронила Ольга и тут же вскрикнула – от удара по ягодицам. И следом жестокая рука дёрнула её за волосы.

– Ты в селе своём рот открывала, а здесь молчать будешь, пока я иного не велю, – процедил сквозь зубы князь, приблизив побелевшее от гнева лицо. – Довольно уже испытывать моё терпение! Говорить я тебе сегодня запрещаю. Поняла? – прикрикнул он и ещё сильнее потянул за волосы, так что её голова откинулась. Свободной рукой он обхватил её выгнувшуюся шею и слегка сдавил горло ладонью.

– Да, – ответила Ольга хрипло.

– Вот и умница, – похвалил князь, умерив голос. – А то ведь и личико твое может пострадать, красивое, – хватка его ладони на шее ослабилась, и рука вновь скользнула по её телу.

В глазах его что-то вспыхнуло – желание пересилило все прочие чувства и мысли. Он отстранился, расстегнул серебряный пояс, стянул с себя шёлковую рубаху и грубо привлёк Ольгу к себе, прижался лицом к её виску и волосам, провёл ладонью по спине и бёдрам. А затем толкнул её на ложе, распустил завязки портов, склонился над ней, и с Ольгой случилось то, что со «всеми жёнами когда-то случалось».

Не посчитав нужным дать ей опомниться от случившегося, супруг не останавливался ни на миг в своём обладании ей – благо, хоть продолжалось оно недолго. Завершив соитие, князь лег рядом с ней на ложе.

– Вот теперь сапоги снимай, – приказал он ей.

В эту ночь супруг и не думал щадить её неопытность. И когда всё, наконец, закончилось, князь, не промолвив ни слова, отвернулся и уснул. Ольга же, надев на себя разорванную сорочицу, лежала, не смыкая глаз, вытирая и глотая горькие слёзы, и лишь под утро забылась коротким сном и тут же проснулась с тревожной мыслью, что надо успеть покинуть ложницу

до того, как проснется супруг. В этот миг она была почти благодарна князю за то, что он пренебрёг свадебными обычаями, и никаких встреч молодых поутру с гостями и родственниками не предполагалось. Как и пира второго дня свадьбы...

Одевшись и причесавшись с помощью прислужниц, Ольга попросила проводить её в столовую горницу. За столом уже сидели наследники князя, Предслава и незнакомая Ольге средних лет женщина. Ольга пожелала собравшимся доброго утра – незнакомая женщина поднялась:

– Будь здрава, княгиня! Я – наставница княжны Ефандры, Милицей наречена, – представилась она и поклонилась.

– Будь здрава, Милица, – отозвалась Ольга и посмотрела на княжну.

Юная Ефандра, названная так в честь бабки – матери князя Киевского, гораздо больше походила внешностью на Игоря, нежели княжич Олег. Её глаза, подобно отцовским, были – серыми, а волосы, заплетенные по-девичьи в косу, тёмно-русыми. Они слегка пушились, завитками ниспадая на нарядный венец – шитую золотом ленту. На виски с венца спускались золотые привески-рясна. Княжна в силу своего возраста – а была Ефандра в той пограничной поре, когда девочка уже и не дитя, но ещё и не созревшая для брака дева – не присутствовала на вчерашнем пиру, а нарядиться ей явно хотелось: оттого на семейный заутрок она надела столь дорогое узорочье. Ефандра доброжелательно улыбнулась княгине и кивнула. Улыбнувшись ей в ответ, Ольга перевела взор на прочих присутствующих за столом – княжич, заметив внимание молодой жены отца, покосился на тётку. Убедившись, что новоявленную княгиню Предслава и взглядом не удостоила, Олег тоже промолчал.

Вздыхнув, Ольга присела. Подросла челядь – наполнила снедями посуду, избавив новобрачную от неловких расспросов и лишних поводов почувствовать себя ещё большим изгоем. Ольга устремила взор в стоявшее перед ней блюдо с кашей – желания есть нынче не было. Остальные к еде тоже не притрагивались – без главы семьи начинать заутрок не полагалось. И вот, наконец, в горницу вошёл князь. Наставница и княжичи, завидев его, вскочили, по очереди поздоровались с поклоном. Предслава проделала то же самое, но не спеша, степенно и величаво. Ольга, не зная, как пристало вести себя ей, посчитала за благо последовать примеру прочих собравшихся – поднялась, молча склонила голову и села. Скользя взглядом по лицу супруга, она отметила, что смотрелся Игорь весьма хмурым. Князь тоже поглядел на неё – внимательно, задумчиво, как будто припоминая, отчего Ольга здесь, и вдруг усмехнулся:

– Благостное нынче утро выдалось. Всё семейство в сборе – и княгинюшка наша тут же – прекрасна моя ненаглядная, – он сел за стол, отпил из кубка, который поспешно наполнила пожилая прислужница, взялся за ложку, и все прочие члены семейства приступили к еде. – Что так рано поднялась, красавица? Почему супруга своего одного в печали и скуке оставила?

– Не хотела тревожить твой сон, князь. Прости, коли тебя расстроила, – скромно промолвила Ольга, потупив взгляд.

– Верно – расстроила. Запомни, красавица моя, должна ты вечером всегда быть раньше князя в ложнице, а утром, коли я с тобой рядом ночевал, покидать тогда, когда я тебе велю и не ранее. Поняла? – не стесняясь своих отпрысков и наставницы, обратился к ней супруг.

– Поняла, – кивнула Ольга.

– На первый раз прошу тебя, но ежели ослушаешься – будешь наказана так, как сочту нужным.

– Да, княже, как велишь, так и сделаю.

– Сметливая жена мне досталась, это радует, – князь рассмеялся, приложился ещё раз к кубку и принялся за еду. – Ладно, довольно семейных дел на сегодня, – прожевав, молвил князь. – Перейдём к державным. Сын, отправишься вместе со Свенельдом в Смоленские земли. Разобраться надобно с тамошним правителем, что посмел оказать помощь нашему против-

нику, Вальгарду. Возьмёшь три сотни из нашей дружины, Свенельд своих людей и наёмников, что из Ладоги привёл. Итого пять сотен.

– Захватить хочешь Смоленск, батюшка? Своего наместника там поставить?

– Откуп для начала хочу со Смоленска взять. Коли серебра мне даст и прочего имения – не трону его. Всё же своих людей в войне с Новгородом я почти не потерял. Спасибо моему тестюшке – из своей мошны войну оплатил, – князь рассмеялся, и Ольга поняла, что эти слова были предназначены ей. – Да ещё и дочку мне отдал свою любимую. Ничего для своего князя не жалко. Вот такие должны быть поданные. Вот тому Смоленск и поучите вместе с воеводой. Свенельд у нас ныне в почёте – людей наших сберёг да ещё и дружину преумножил – люди нам нужны – весной, в земли уличей, в поход пойдём на Тесмень⁵. А пока в Смоленск – с воеводою. Заодно настрой в дружине Свенельда проверишь – все ли гридни его такие же преданные своему князю, как их воевода. Понял?

Олег кивнул и неуверенно добавил:

– Отец, я как раз хотел узнать твои мысли насчёт Свенельда. Могу сейчас спросить?

– Конечно, сын. Вот только дочь моя любимая и супруга ненаглядная покинут горницу – зачем девичьи да женские головы лишними знаниями наполнять. Ни к чему им дела военные, мысли о том, как порадовать своего батюшку да супруга – вот и всё, что им полагается, – князь рассмеялся, настроение его заметно улучшилось.

⁵ Тясмин, приток Днепра. По обоим берегам реки Тясмин, протекающей между реками Днепр и Южный Буг, находились поселения племени уличей

2. Княгиня

Терем князя Киевского стоял на горе Хоревеице. Вокруг него располагался город, обнесённый валом и крепостной стеной с дозорными башнями, а ниже, у подножья горы, на широком, пологом берегу Днепра раскинулась поражающая взор пестротой и кучностью изб и дворов низинная, подгорная часть Киева – Подол.

У Подола в Днепр впадала Почайна, речушка, на которой были устроены корабельные пристани: с весны и до осени множество купеческих ладей стояло здесь на приколе. На пристанях ладьи разгружались, и телеги доставляли товар на устроенное на Подоле, огромное торжище. Рядом с причалами находилась мытница. Десятки княжеских тиунов проверяли грамоты приезжих, собирали мыто, досматривали ввозимую и вывозимую кладь.

Кроме торговых гостей, водным путём достигали Киева и наёмные боевые дружины. Ладьи с воинами приходили с берегов Варяжского моря, спускаясь по Двине с переходами и волоками в Днепр или по Висле, Верхнему Бугу⁶ с волоками в Припять, приток Днепра. Наёмники останавливались здесь перед дальнейшей дорогой в Царьград либо уже на обратном пути от греков.

К югу от Подола пологая прибрежная полоса сужалась, и над ней взмывала вверх густо поросшая кустами круча самого высокого киевского холма, звавшегося просто Гора. Кое-кто из киян по старой памяти именовал Гору Олеговой: когда-то там стоял терем Вещего, но позже князь возвёл себе хоромы в другой части Киева.

У самого края Горы, на стороне, обращённой к Хоревеице, располагалось святилище Перуна. Вокруг огромного деревянного идола, чья глава была покрыта серебром, усы позолочены, а в глазницах переливались драгоценные самоцветы, днём и ночью горели огни костров. Изб горожан на Горе было мало: за святилищем находилось место погребения знатных киян.

В пору главенства христианской веры в Киеве⁷, в доолеговы ещё времена, на Горе был христианский храм. Вещий же, вокняжившись в Киеве, христианских служителей из города выгнал, а на Горе возвёл святилище Перуна, почитавшегося у варягов Старграда⁸ и Велиграда⁹ покровителем княжеской дружины. Первым среди прочих богов признавал Перуна и князь Рюрик, полагая златоусого бога ещё и собственным покровителем. Вместе с новорождённым сыном, отданным на воспитание Вещему, были старым князем отправлены в Киев из Новгорода и волхвы Перуна – утверждать на киевской земле силу и первенство бога-хранителя Рюрикова рода.

Новгородские варяги укоренились на здешней земле, и воинственный Громовержец вознёсся над святилищами прочих богов – Сварога на Хоревеице и Волоса на Подоле – и взирал ныне с высоты Горы и на простых смертных, и на княжеские хоромы...

Просторный, резной, трёхжильный терем князя Игоря был обращён передней своей частью не к Горе, а к Подолу. Окнами он глядел на сад, а с гульбища¹⁰ верхнего яруса можно было увидеть и Подол, и Почайну, и Днепр. Там в теремке-башне находились покои княгини.

⁶ Западный Буг

⁷ Патриарх Константинопольский Фотий в сочинении «Окружное послание», посвящённом созыву Собора в Константинополе (867 год), упоминает о добровольном крещении «росов». Крещение сопровождалось созданием на Руси [епископии](#) или [архиепископии](#), которая впоследствии погибла

⁸ Современный г. Ольденбург-ин-Хольштайн в Германии. В X веке был столицей территорий, населённых славянским племенем вагров

⁹ Современный г. Мекленбург в Германии. В X веке был столицей территорий, населённых славянским племенем варинов (более известных как ободриты)

¹⁰ Балкон

Окна в покоях были распахнуты, стены и крыша княжеского терема дышали жаром нагретого дерева – стояла самая середина лета. Открытые створки окон были убраны узорчатыми оконницами – решётками с рисунком из ромбов. Ловя и отражая лучи полуденного солнца, поблёскивали в них самые настоящие и довольно прозрачные стёкла.

В просторной опочивальне под окном, на обитой дорогой тканью скамье с мягкими подлокотниками-подголовниками, среди шёлковых подушек, погруженная в глубокие раздумья, с пальцами в руках сидела Ольга, вот уже почти три седмицы как княгиня Киевская.

Напротив окна, боком к дверному проёму, стояло широкое, одетое покрывалом из горностаевых скор, ложе. Изголовье его было обшито красным аксамитом – плотной ворсистой тканью, крепившейся к стене позолоченными гвоздиками с большими узорчатыми шляпками-солнышками. Пол ложницы устилал браный ковёр, привезённый откуда-то из восточных земель – из Шемоханского царства¹¹ или даже из далёкой Бухары.

Опочивальня не имела двери со стороны сеней, войти в неё можно было только из другой принадлежащей княгине горницы – светлицы для приёма гостей. Посредине светлицы возвышалось резное кресло – престол, окружённый столцами. И престол и столцы¹² были обиты той же тканью, что и скамья в ложнице. Вдоль стен тянулись крытые узкими коврами лавки и нарядные сундуки-укладки. В углу находился высокий поставец с расписными ларцами и домовыми богами-оберегами, привезёнными Ольгой из Плескова.

Со стороны, противоположной опочивальне, к светлице примыкала горница для челяди. Там же хранились одежды и имение княгини. Из светлицы можно было выйти на тянувшееся с внешней стороны терема вдоль покоев гульбище. Обрамлялось оно резными перильцами, с крыши-навеса вилось-нависало кружево причелин¹³.

Всё в Ольгином теперешнем жильё было устроено и для улады глаз, и для телесной угоды. И позволявшее выйти на воздух, не покидая терема, гульбище, и собственная печь для пущего тепла зимой. Убранство покоев было к тому же обновлено и украшено нарочно к её вселению и выглядело соответственно новому Ольгиному положению. Ольга, и ранее жившая в достатке и благодетели, не могла не признать, что нынешние её покои превосходили размером и богатством прежние светлицы в батюшкином доме.

Словом, живи себе и радуйся, без забот и хлопот, благодари богов за дарованную долю да мужа нарочитого ублажай. Но радоваться у Ольги не получалось... Об этом она и раздумывала, поднимая порой лицо от пяльцев и окидывая взором свои резные, расписные покои.

Важные гости, прибывшие на свадьбу, разъехались, и жизнь в тереме вошла в повседневную, обыденную колею.

День начинался с заутрока¹⁴, который всегда происходил в столовой горнице, называемой обитателями терема греческим словом – трапезная. Трапезная находилась в крыле, противоположном той стороне, где были устроены Пировальня и Князев Приказ. На два крыла терем делили прихожие сени и лестница, ведущая в верхние ярусы. Сзади к трапезной примыкала поварная и людская. Левее трапезной располагались покои княжича Олега.

Утром в трапезной собирались в узком кругу княжеской семьи. Кроме Ольги, в это время присутствовали и сам князь Игорь, и княжич Олег, и княжна Ефандра с Милицей, и Предслава.

После заутрока князь погружался в державные заботы. Чаще всего он уезжал из терема. От Милицы или теремной челяди Ольге порой удавалось случайно узнать, где проводил время её супруг – он то вершил княжеский суд, то наведывался на мытню и торжище, навещал дружины – гридницу младших отроков на Детском холме или предавался ратным забавам со стар-

¹¹ Ширванское государство, находилось в пределах исторической области [Ширван](#), на северо-востоке современного [Азербайджана](#). Столица в X веке – город Шемаха

¹² Род стула, табурета

¹³ Доски, расположенные на фасаде, закрывающая торцы сруба либо крыши

¹⁴ Завтрак

шими гриднями на ратной площади. В иные дни князь задерживался в своих поездках до вечера и несколько раз ночевал вне терема – уезжал в свои уделы или с ближней дружиной отправлялся на ловы и пиры.

Если же Ольгин супруг оставался утром в тереме, что за Ольгину недолгую бытность княгиней случалось трижды, то в приёмной горнице – Князем приказе – заслушивал всяких разных посетителей – посланников от наместников из подвластных градов и весей, старейшин, тиунов, вирников¹⁵, иноземных послов и купцов. Торговых людей из Руси в тереме Ольга ещё не видела – черёд их посещений наступал осенью, после возвращения из дальних стран.

Днём князю накрывали в Пировальне, и с ним всегда столовалось множество всяких людей – советников, бояр, воевод. По завершении долгого полуденного снедания наступало время пообедья, когда князь отдыхал.

Вечером в Пировальне опять собирались самые приближённые бояре и старшие гридни из дружины. По терему разносились звуки гусярных переборов и гудение жалеек – вечером серьёзных разговоров не вели, развлекались.

Женская половина семейства вкушала и дневную, и вечернюю пищу в трапезной. Право самой решать, за какой стол садиться – за женский или вместе с князем или вовсе остаться в собственных покоях – было только у Предславы. Ольгу в Пировальню князь не звал.

Одна из Ольгиных прислужниц, жалостливо глядевшая на оставленную без мужнего внимания госпожу, предложила ей вечерять в своих покоях, дабы не возбуждать любопытство челядинцев нарочитых гостей, иным из которых дозволялось ожидать хозяев в сенях и людской.

После вечера наступало время отправляться в ложницу... Вот тогда-то Ольгины страхи достигали своей крайности...

Ночи, проведённые с князем, мало отличались от первой. И если днём супруг вёл себя с ней хоть и пренебрежительно, но беззлобно – чаще всего просто не замечал, ночью же – словно не к молодой жене приходил, а к лютому врагу. Её беззащитностью и вынужденной покорностью он наслаждался вовсю – заставлял её разоблачаться до наготы и в таком виде раздевать его самого, обязательно сопровождая сие действие целованием открывшихся её взору оголённых мест на его теле – и ноги, в данном случае, были для неё не самым страшным. Ни разу он Ольге не улыбнулся – лишь усмехался, замечая её смущение после услышанных от него повелений выполнить его любовные затеи, сам он её не целовал, по-прежнему запрещал ей разговаривать с ним, а за случайные слова с удовольствием наказывал – мог шлёпнуть по заду или даже по губам. Ежедневно она замирала в страхе, ожидая внимания нарочитого супруга, а если князь днём не возвращался, то гадала – приедет ли к вечеру или нет – и тогда участь его внимания её минует.

Не имея в тереме никаких обязанностей – а хозяйкой в хоромах, по всеобщему разумению, была Предслава – и не посвящая время ничему, кроме рукоделия и прогулок по саду, а потому совершенно не отвлекаясь на прочие мысли, этим тяжким думам она начинала предаваться вскоре после полудня, и к вечеру уже более ничего и делать не могла, кроме как бояться. И через некоторое время, коли бы вдруг пожелал князь, чтобы она развлекла его беседой – Ольга бы уже, кажется, и сама рта раскрыть не сумела. Впрочем, то, что происходило в ложнице, вполне устраивало князя и безо всяких разговоров – ночевал он у супруги почти всегда, когда оставался в тереме. И лишь ежемесячные женские недомогания на несколько дней освободили Ольгу от его внимания.

Своим пренебрежительным отношением к ней князь словно давал понять, что наречение своей водимой супругой и дарование титула княгини совсем не означает, что она будет отличаться для него от любой другой наложницы. Это ей пристало безоговорочно обожать своего

¹⁵ Сборщики судебных взысканий

супруга и всячески ему угождать, а его расположение надо было ещё заслужить. А в Ольгином случае – не просто заслужить, а очень постараться, чтобы вернуть...

Никто из близких первое время её не навещал – такова была воля князя – не тревожить молодожёнов. И это, конечно, было только к лучшему, иначе не понятно, как она сумела бы объяснить им свой бледный, несчастный вид, а солгать, наверное, не смогла бы, разрыдалась.

А Яромир всё это время находился в Киеве, вернее не в Киеве, а в Ольгином уделе, селе Высоком, расположенном в нескольких верстах от стольного града. Отец был озабочен его устройством...

В дверь опочивальни постучали, вошла Ольгина челядинка – Любава.

– Княгиня, Граничар пришёл с посланием от князя.

– Князь вернулся в терем? – спросила Ольга, подавляя волнение. Три прошедших дня её супруг в княжеских хоробах отсутствовал – уехал на ловы и ночевал в каком-то ином месте.

– Токмо прибыл – сам покуда в гриднице, в терем человека прислал с наказом...

Ольга отложила пальцы и вышла в гостиную светлицу. Любава распахнула двери, и в Ольгины покои явился теремной тиун Граничар.

Крючковатым носом и цепко глядящими из-под чёрных кустистых бровей глазами смуглолицый, высокий, сухощавый Граничар напоминал хищную птицу. Волосы на его голове были выбриты с боков, с затылка на шею спускалась чёрная коса – прожив долгие годы в Киеве, тиун всё ещё носил болгарскую причёску.

Граничар происходил из семьи потомственных болгарских воинов. Имя своё получил в честь прочимой ему отцом дозорной службы на удалённых рубежах Болгарского царства. Но блюсти пограничье молодому гридню не пришлось – в дружине княжны Евдокии он был отправлен в Киев. Вскоре после того как Евдокия родила Игорю Олега, способный и расторопный Граничар занял место главного стража в теремных хоробах, а уже после смерти княгини и переезда в терем Предславы, случившегося через пару лет после упокоения Евдокии, Граничар был переведён в тиуны. Хорошо освоившийся в княжеском тереме Граничар вполне подходил для подобного занятия, потому как, кроме воинской науки, был обучен счёту, славянскому письму и грамоте, к тому же место главного стража в то время нужно было освободить для молодого любимца Предславы – Свенельда.

– Будь здрава многие лета, княгиня, – приветствовал её Граничар с поклоном. – Светлейший князь Киевский велел тебе передать, что вечером в трапезной случится родственный собор по поводу похода княжича Олега на Смоленск. На вечерю приедут князь Плесковский с сыном и прочие гости. Князь велел тебе, княгиня, нарядиться и спуститься к вечеру в трапезную.

Лицо Ольги тут же прояснилось, а сердце забилося радостно – она и не представляла, что может так соскучиться по бабушке за столь короткий срок.

– А какие ещё гости будут? – быстро спросила она.

– Опрочь семьи – десница Асмуд, воеводы Свенельд и Валигур, глава мытни Адун и братаница князя Есферия с матерью Методией.

– Братаница? – с удивлением переспросила Ольга. Об этой ближнице она услышала впервые.

– Дочь опального воеводы Олега Моровлянина.

Это было неожиданностью. Ольга, конечно, знала о существовании у того, кто был, вероятно, её отцом, жены и дочери – но ещё ни разу не задумывалась о том, где они жили и как. Теперь вот предоставлялась возможность увидеть свою единокровную сестру.

Едва тиун вышел, в светлицу вбежала Любава.

– Радость-то какая, княгинюшка! Князь тебя никак на вечерю позвал! Чего надеть изволишь?

– Все самые лёгкие одеяния достань. Отнеси в ложницу – я примерю.

– А узорочье?

– Очелье из золота. Златотканые пояс и наручи. Остальное не знаю – под наряд подберу.

Когда облачение и украшения для вечера были выбраны, Ольга вновь села вышивать. Но нитки у неё всё время путались, игла колола пальцы – видно, мысли о грядущей встрече не позволяли ей сосредоточиться на работе. Она отложила рукоделие, вышла на гульбище и подставила разгорячённое волнением лицо едва ощутимым дуновениям ветра.

С гульбища открывался вид на пышный, ухоженный сад с мощёнными камнем дорожками, с диковинными растениями и душистыми яркими цветами, привезёнными с берегов Греческого моря – из Болгарского царства, из Таврии и из самого Царьграда. Сад заложили ещё при Вещем Олеге, от греков перенявшем сей обычай – окружать дворцы рукотворными насаждениями, призванными подчеркнуть высокое положение их владельцев. После Олеговых начинаний стараниями первой водимой супруги князя Игоря, болгарской княжны Евдокии, сад прирос землями и дополнился новыми растениями и цветами.

Евдокия родилась у болгарского правителя Симеона от его первой жены, дочери печенежского вождя, соратника Симеона в его ранних войнах с Греческим царством. От той же знатной печенежки имелись у Симеона сыновья: старший – Михаил и младший – Иван.

Симеон, будущий болгарский князь, а затем и царь, изначально прочимый своим деятельным родителем, князем Борисом, приведшим Болгарскую землю к христианской вере, встать во главе Болгарской церкви, немало лет провёл в Царьграде, набираясь в греческой столице всяческих знаний и мудрости. Симеон читал греческие книги, сам писал многоумные сочинения и вполне готов был пойти по стезе служения делу церкви. Болгарский же престол занял старший брат Симеона – Волдимир. И случилось это ещё при жизни родителя – Борис отрёкся от власти и ушёл в монастырь. Презрев все усилия отца, Волдимир неосмотрительно дерзнул вернуться к языческой вере, не учтя того, что удалившийся от людей Борис тем не менее зорко следил за происходящим в родной земле. Узнав о вопиющих начинаниях отпрыска, Борис не замедлил их пресечь – вышел из монастыря, схватил неслушного сына и безжалостно наказал его – ослепил. А наследником провозгласил Симеона.

Вместе с княжеским престолом Симеон получил от отца в наследство и сложные отношения с греками. И, расстригшись из монашества, принялся искать себе достойную спутницу, которая бы обеспечила ему не только чадорождение, но и всестороннюю и многообразную поддержку могущественной родни. Скорее всего удался сей замысел с печенегами.

С Киевом тогдашнего болгарского правителя связывали самые дружественные отношения, выросшие как из взаимного расположения неустрашимых воителей – Симеона и Олега Вещего – друг к другу, так и, в большей степени, из схожести их целей – и один, и второй силой оружия желали получить от греков всяческих выгод для своих народов. Однако если торговый ряд с греками Олега вполне устроил и умиротворил, то гораздо более значительные притязания Симеона с меньшей вероятностью могли быть удовлетворены греками на началах каких-либо разумных довершений¹⁶. А потому война Болгарской стороны с Царьградом не прекращалась почти всё время правления Симеона, то затихая, то вновь разгораясь в тот миг, когда одна из противоборствующих сторон нарушала хрупкие условия временных перемирий. В конечном счёте, устремления Симеона вознеслись на невероятные высоты – болгарский князь, ни много ни мало, захотел сделаться родственником багрянородному императору, принудив его жениться на своей дочери, а следом и самому сесть на царьградский престол, как соправителю.

И надо отметить, что замыслы Симеона со временем выглядели всё более достижимыми – болгары одолевали греков в бранях. Царьград суетливо искал себе союзников, и вот в этом греки, привычно сочетавшие стравливание варварских народов с подкупом их вождей, пре-

¹⁶ Договоров

успевали. Плодом греческих усилий стало то, что бывшие соратники и родичи Симеона, печенеги, сделались болгарам врагами. Симеон к тому времени был женат повторно, и, стремясь заручиться поддержкой новых влиятельных родичей, отдалил от себя детей от печенежки, признав своим наследником не старшего, Михаила, а Петра, сына от второй супруги, Марии, чем вызвал неудовольствие печенежской родни. Греки не преминули воспользоваться этим семейным разногласием и привлекли печенежское кочевье отца первой супруги Симеона на свою сторону. Но, впрочем, союзники оказались гораздо менее удачливыми и умелыми в ратном деле, чем Симеон, и не особо помогли грекам.

Неоднократно в ту пору пытались склонить греки на свою сторону Русь, напоминая Олегу и Игорю об условии подписанного довершения о военной подмоге, и киевские правители не скрывали от Симеона, что отказывать грекам в этом их требовании им сложно. Тогда-то и появился у Симеона замысел породниться с Русью, и в Киев из Преслава были отправлены послы с целью обсуждения брачных рядов. В невесты Игорю Симеон предложил свою дочь от печенежки – она больше подходила жениху по возрасту, чем его дочь от Марии. Кроме того, Симеон всё ещё не оставлял мысль выдать замуж свою младшую дочь за юного греческого императора Константина. Тем надеждам осуществиться не удалось: год спустя после рукобития о брачном ряде Евдокии и Игоря, четырнадцатилетний Константин женился на дочери своего флотоводца Романа, сумевшего не только тестем багрянородному императору стать, но и соправителем. И младшую дочь, сестру наследника болгарского престола, больше уж беречь было не для кого.

Вещий советовал Игорю взять женой дочь Симеона не от печенежки, а от Марии, сестры влиятельного боярина Георгия. Однако честного рукобития Игорь не порушил: имелась от этого брака ещё одна существенная для него выгода. Евдокия приходилась внучкой могущественному печенежскому вождю – Куркуту, предводителю кочевья Хавуксингила, а земли, подвластные Киеву, тревожило набегами другое воинственное кочевье – Иавдиертим – вождь которого, Елчи, состоял с Куркутом в дальнем родстве. Наследники Игоря от Евдокии стали бы родичами Елчи, что способствовало бы миру с печенегами.

Евдокия со свитой была отправлена в Киев и сделалась женой Игоря. Все дети просвещённого и образованного Симеона – и от первой и от второй супруги – были крещены, обучены грамоте и письму. И Евдокия не являлась исключением. Кроме дружины и челяди с болгарской невестой в Киев приехали книгочеи, писарь и христианский священник.

Этот союз позволил киевским правителям уклониться от помощи грекам, сославшись на случившееся родство. Греческие послы, конечно, убеждали Игоря одуматься, указывали на то, что Евдокия – дочь нелюбимая, что даже её печенежский род принял сторону Царьграда, утвердившись в мысли, что внуку печенежского вождя иначе не сесть на болгарский престол. Игорь с греками соглашался, но поддерживать их не спешил.

То же, подчёркиваемое греками, обстоятельство позволяло Игорю отказывать и самому Симеону, искавшему себе соратников для морских браней с греками. Игорь вовсе не стремился участвовать в бессмысленных для Руси войнах. А Вещий, в ту пору став при Игоре кем-то наподобие Бориса при Симеоне, на предложения иноземцев вступить в те или иные союзы отговаривался, что он теперь ничего не решает – от княжеской власти устранился, бразды правления Игорю передал.

На деле это было не совсем так – хотя Олег принимал посетителей княжеского терема, сидя не на престоле, а лишь по правую руку от молодого Игоря, бояре, дружина и торговый люд знали его князем по-прежнему. Но имелась в тех его словах и доля правды. Гибель почти всей русской рати по возвращении с Хвальни¹⁷ сильно подкосила и здоровье киевского правителя, и его уверенность в своей удаче.

¹⁷ Каспийское море

Узнать, чем же закончилось болгаро-греческое противостояние, Олегу не пришлось – Вещий князь покинул сей мир. А спустя шесть лет упокоился и Симеон. Ныне на болгарском престоле сидел Пётр, завершивший отцово дело жизни тем, что заключил с Царьградом мир и получил себе в супруги знатную гречанку – внучку Романа. И в итоге тестем стал не болгарский правитель багрянородному кесарю, а соправитель греческого императора болгарскому царю. Кто от этого остался в большем выигрыше и прибыли, догадаться было не сложно. Старших братьев Петра, детей печенежской жены Симеона, постигла незавидная участь – Ивана отправили заложником в Царьград, Михаил был сперва заточён в монастырь, а позже, после его побега и попытки захватить в Преславе власть, казнён.

Все эти подробности Ольга узнала от Асмуда, на долгом пути в Киев развлекавшего их с Яромиром во время остановок рассказами из жизни нарочитого Ольгиного жениха и его окружения.

Памятуя о полученных от Дагмары сведениях и помалкивая о них, Ольга с деланным простодушием спросила тогда Асмуда и о том, почему Вещий князь не обзавёлся женой. Десница отговорился тем, что горячо любимая, водимая супруга Олега умерла вскорости после рождения сына, а после неё Вещий никого так уж более не полюбил, а назвать своей перед людьми нелюбимую, видно, не захотел. А те несколько детей, которые были рождены часто меняющимися в ложнице знаменитого правителя жёнами, почему-то все умерли в младенчестве...

Когда солнце закатилось за полдень, Ольга позвала Любаву и вторую чернавку – Нежку – пришла пора облачаться к вечеру.

Поверх нижней сорочицы из тонкой белой паволоки прислужницы надели на княгиню золотисто-переливчатого шёлка далматику, затянули Ольгин стан широким поясом. На её голову, покрытую белым шёлковым убрусом, Любава возложила золотой круг очелья, того самого, которое было на Ольге в день свадьбы. В полые скобки на нижнем краю очелья над ушами продела крепления выбранных Ольгой рясен – ниспадающих до самой шеи золотых цепочек с нанизанными на них шариками алатыря – камня медового цвета. Это узорочье было среди Ольгиных свадебных даров.

– Как же красива ты нынче, княгинюшка, – восхитилась Любава. – Немногим мужним жёнам столь годеен убрус, как тебе.

– Большинство супротив портит, – согласилась Нежка. – Волосы-то не видать.

– А нашей княгинюшке даже к нежному личику, – подхватила Любава. – И очи нынче у тебя, госпожа, наконец-то радостные, и румянец на щеках. Даст Лада – всё образуется.

Ольга не стала уточнять у челядинок, что образуется, поблагодарила девиц и направилась в трапезную. Выглядела она, должно быть, действительно хорошо – не ожидая три последних дня явлений супруга в опочивальне, успокоилась и выпалась.

Батюшка, а вместе с ним Искусен, уже пришли в терем. Увидев их, Ольга едва ли не бегом спустилась по лестнице и бросилась к Яромиру в объятия.

– Доченька, как ты? – спросил Яромир, отстранив её от себя и внимательно осмотрев. – Выглядишь красавицей.

– Дай и я обниму красавицу, – засмеялся Искусен и поцеловал её в лоб. – Высокая какая. Выросла что ли, сестрица?

– Всё хорошо, батюшка, братец, – счастливо вымолвила Ольга, и сейчас, рядом с ними, всё, и правда, было хорошо...

Когда собрались остальные, вышел князь. Он занял своё место во главе стола на столыце с мягким сидением и подлокотниками. Обычно на заутроке Ольга сидела сбоку от князя – на лавке. Ныне же во главе были поставлены два столыца. Никто из гостей не притязал на место рядом с князем, – все расселились на крытых узорчатыми тканями лавках – и Ольга рассудила, что второй столец предназначался ей, и присела рядом с супругом.

Она оглядела присутствующих, определила про себя, кто из незнакомцев – мытник, а кто – воевода-сотник. Загадки это не составляло, выражение лиц нарочитых мужей говорило само за себя: цепкий взгляд был у мытника, лихой и слегка заносчивый у сотника – так часто глядели задиристые гридни-удальцы. Ольга покосилась на Свенельда – у воеводы взгляд был иной, без намёка на какое-либо лихое удалство – одновременно внимательный и бесстрастный, устремлённый вглубь чужих мыслей, свои же думы при этом усердно прячущий. Как ни странно, этот его взгляд она хорошо помнила.

Ольга отвела глаза от Свенельда и воззрилась на Есферию. Её сестра оказалась темно-волосой и кареглазой девицей, и если чем-то и напоминала Ольгу, то лишь статью и ростом. Ликом Есферия пошла в матушку.

– Выпьем за удачу в походе на Смоленск. И да поможет нам Перун в наших замыслах, – князь поднял кубок. – Готовы ли наши дружины, сын?

– Да, князь. Числом пять сотен, как ты и велел – три сотни нашей дружины и две – Свенельда. Завтра выступаем на ладьях.

– Адун, проследи, чтобы никакие заторы на Почайне не помешали нашим дружинам поутру выйти в Днепр.

– Выполним, князь.

– В Любече к нашим людям присоединятся две сотни Кареня. Союзно отправитесь в Смоленск. Сперва переговорите с Володиславом мирно. Война и людские потери нам не к чему. Полторы тысячи гривен виры я требую от него за поддержку мятежника Вальгарда. И сотню смердов жду для переселения на Сурож. Ещё потолкуете с Володиславом о брачных рядах – знаю, что сын и дочь у него имеются подходящих для брака лет. Дочери Володислава мы предлагаем в мужа сестрича Игоря, а сыну Володислава в жёны – мою братаницу Есферию. Её отец, Моровлянин, вестимо, изменник, но дитя – крови с нами единой, я без опеки оставить не могу. Дочь твоя, Методия, получит знатного супруга и послужит на благо Киевской державы, – князь посмотрел на невестку.

Методия почтительно склонила голову.

– Есть, что добавить сестрица? – Игорь перевёл взор на Предславу.

– Как повелишь, князь, – промолвила Предслава приятным и певучим голосом. – Прошу привезти в Киев возможную невестку. Пусть Володислав в знак доброй воли и дружбы отпустит свою дочь для знакомства с нами, и мы узреем и оценим, насколько разумна и хороша собой девица, прежде чем делать её княгиней Новгородской. Тогда и ударим по рукам. А ежели надо, Есферию отправим в ответ, чтобы тоже с женихом познакомилась.

– Соглашусь, княжна, включим в притязания, – князь, подытожив вопрос, вновь поднял кубок. – Чем ты, тестюшка мой, занят? Расскажи.

– Удел княгини обустроиваю, – ответил Яромир. – Стену вокруг детинца будущего укрепляю. Хотел камнем выложить, как у меня в Плескове. Да и не только у меня в Плескове и Изборске такие стены – и в Ладоге есть, и в разрушенной ныне Любше были... Да вот беда – подходящего камня близ Киева не имеется. У меня-то в Плескове сей камень под ногами лежит – выкапывай, обтёсывай да укладывай¹⁸. Хоть глиной скрепляй, а можно из самого же камня раствор соединительный сделать. Я и людей с собой из Плескова привёз, знания от отцов перенявших, тех самых, кои вежу мою сложили. В Высоком их оставлю – строительство призреть.

– Да, видел я в Плескове у тебя каменные вежи и стену. Камень, известно, надёжнее дерева. Вот только зачем моей княгинюшке такая крепость неприступная? Всё равно жить она в тех хоромах не будет. Разве ж я отпущу от себя красоту мою...

– Хочу я, княже, и тебе послужить, а не просто хоромы неприступные дочери выстроить. Верно ты, князь, заметил, камень надёжнее дерева. И огня, и воды боится меньше, да и

¹⁸ Известняк

прочней, долговечней. Я вот убедился в том, и с тобой спешу поделиться знанием. Может, пригодится – сам из камня строить начнёшь. Ну, а коли не пригодится – и ладно. Но кое-что я уже нашёл...

– Что же? Сказывай, – велел князь.

– У древлян камень имеется. Не такой, как в Плескове, но весьма крепкий...

– Ты про красный камень из Вручьего? Из которого Сварог наш вырезан?

– Да, верно, княже. Каменоломни те самые, на притоках реки Уж. Но на Ужском кряже кроме дорогого красного камня, есть и прочий камень – попроще – красный гранит и рыжий песчаник. Крепкий материал. Видно, богата та земля железными рудами. У нас на Севере тоже такие породы имеются – у карелов с весью на Онего-озере и даже у Ильмена, недалеко от Руссы. Вот я на ладье сходил в те места, поглядел... Одно селище прямо близ притока Ужского стоит. Тиун местный, древлянский, правда, не решился камень для меня добыть без повеления своего князя. Пришлось в Коростень заглянуть...

– Неужто с Нискином встречался?

– Да, княже. Древлянский князь подивился моей затее, но не отказал, позволил своих людей прислать – самим добыть, то есть, – пять гривен серебра и взял всего – на песчаник и гранит спроса-то нет. Вот только везти до Высокого далече, и дороги плохи. Сколько смог, я на ладью погрузил. А по возвращении ладьи снова отправил с людьми из Высокого – пушай вывозят помаленьку. А как лёд утвердится, можно будет и санями доставлять. Не на стену, так на ворота хватит. А коли опыт удачным будет, вежу выстроим. Сын займётся, – Яромир качнул головой, указывая на сидящего рядом Искусена.

– А у греков в стенах домов камень с плинфой чередуют, – вмешался вдруг Свенельд. – Плинфа – то рукотворный камень, из глины. На Подоле христианский жрец, опасаясь весенних паводков, дом себе из плинфы отстроил. Люди из Преслава год назад приезжали, наших киевских мастеров учили.

– Да, верно, было дело, – согласился Игорь.

– А я знаю того киевского мастера. Местятой его кличут, – подхватил Адун. – Я двор засыпал вокруг мытни порченой плинфой, когда он рукотворчество каменное осваивал.

– Я бы поглядел на сей рукотворный камень. Сведёшь с мастером, боярин? – обратился тут же Яромир. – Ежели ты, князь, не возражаешь?

– С чего мне возражать? – князь пожал плечами. – Воля твоя. Может, и в самом деле, пригодятся твои затеи.

– Возьмём и сами каменные терема себе выстроим, как в Царьграде, – подхватил Асмуд и поднял кубок.

– Алатырь-камень¹⁹ ещё находят в Высоком, – добавил Яромир. – Пытаемся добывать. У нас на севере купцы алатырь с Варяжского моря везут, а тут у вас всё рядом, под боком у стольного града.

– Ох и разумного я родича заимел, – усмехнулся князь. – Таковую кипучую ты деятельность развёл. Мои тиуны годами сдюжить не могут, а ты, и месяца не прошло, новшества сладил.

– Да разве сладить за месяц новшества, – вздохнул Яромир. – На то годы уйдут. А я уж отбуду скоро – пора в Плесков возвращаться. Искусен продолжит укоренять начатое. А ты позволь, князь, и дочери моей свой удел навещать, раз или два в седмицу, до него ж рукой подать.

– Что ж не позволить...

– Будет тебе докладывать о камнеукладчестве, коли сдюжим, и про алатырь. Завтра тогда уж и съездим, покуда ты дружины будешь в Смоленск провожать?

Князь кивнул.

¹⁹ Янтарь

– У нас на Днепре ещё и красный алатырь находят, и белый, как воск. А не токмо, как у княгини на рясах, – неожиданно раздался низкий голос сотника Валигура. Но все присутствующие посмотрели не на сотника, а на Ольгу. – У княгини дюже баский самоцвет, разумеется.

– Княгинюшка наша сама как самоцвет, – подхватил Асмуд.

– Красота к красоте, – льстиво добавил Адун.

Князь воззрился на Ольгу так, будто впервые увидел.

– Ваши северные камни? – спросил князь, переведя взгляд на Яромира.

– Дар свадебный гостей, – быстро ответила Ольга, не желая озадачивать батюшку.

– Чей же?

– Не припоминаю, князь.

– Свенельда, воеводы, дар, – звонко молвила Предслава. – Верно? – И посмотрела на Свенельда.

– Верно, княжна Предслава. Мой.

– Красная вещица и дорогая. Не поспешил воевода, – усмехнулась Предслава и метнула взор на Игоря.

– Самоцветы северные, Варяжским морем рождённые. Обрамление – работа мастеров новгородских, – невозмутимо пояснил Свенельд.

– Видно, воевода ещё в Новгороде их заказал, – не унималась Предслава, навязывая всем какую-то свою настойчивую мысль.

– Вновь ты права, княжна.

– А глядится, будто узорочье из греков. Тонкая работа, – оценил Адун.

– У нас на Севере золотых дел умельцы имеются, не хуже греческих, – подтвердил Яромир.

Гости ещё о чём-то говорили, поднимали кубки. Но Ольга не слышала их, в её душе зародилось смутное – слова золовки, вроде бы и похвальные, звучали как-то двусмысленно. Будто она, Ольга, сделала что-то непотребное, незримо связавшее её с воеводой, потому и получила сей дар. Эти слова были призваны заставить её супруга задуматься о том и возбудить в князе недовольство. Мелькнула мысль – как Предслава узнала, что дар был от Свенельда? Но Ольга тут же объяснила самой себе это обстоятельство тем, что, вероятно, воевода самолично показал своей полюбовнице узорочье для будущей княгини.

Если намерения золовки Ольга истолковала верно, то выходит, что как будто не замечавшая её доселе родственница таила к ней явную неприязнь. Впрочем, то не диво – батюшка ведь её предупреждал. А может, Предслава старалась уязвить воеводу?

Ольга украдкой взглянула на Свенельда. Воевода был спокоен, что-то обсуждал с Асмудом. Но едва она посмотрела – ответил быстрым, коротким взглядом, чуть склонил голову и следом как ни в чём не бывало продолжил разговор с десницей, лишь незаметным движением вдогонку приложил руку к сердцу – будто в благодарность за её выбор или же в извинение, потому что в обращённых перед тем к ней глазах Свенельда Ольге почудилось сочувствие...

После вечера князь зашёл в Ольгины покои: хмурый взгляд супруга не предвещал ничего доброго.

– Благодарю тебя, княже, за прошедшую вечерю. Была сердечно рада встрече с батюшкой и братом, – сказала она торопливо и вполне искренне.

Игорь приподнял брови, удивлённый её неожиданной решимостью и нарушением запрета на разговоры. Недовольное выражение на его лице, однако ж, сменилось задумчивым – исполненные благодарности слова, пожалуй, можно было и простить.

– Да, душевные посиделки вышли, семейные... – он помолчал, о чём-то размышляя. – Вот только зачем эти ряса надела? Разве не ведаешь, что даров чужих мужей тебе носить не пристало?

– Прости, княже. Не подумала. К наряду подошли – вот и надела.

– А ты должна думать. Должна думать обо всём, что твоего супруга и князя касается. Кривотолки я слушать не желаю....

– Велишь вернуть сей дар?

– Велю тебе их снять и мне немедля отдать, – раздражённо сказал Игорь. – Прочее – не твоя забота.

Ольга сняла очелье, отцепила привески и протянула супругу.

– На стол клади.

– Остальные свадебные дары тоже изволишь изъять?

– Изъять? Укоряешь, что ли, князя своего?

– И в мыслях не было. Прости неразумницу, – поспешно отозвалась Ольга.

Князь какое-то время смотрел на неё и вдруг усмехнулся.

– Какая ж ты неразумница? – смилостивился Игорь, удовлетворившись, верно, её жалким, испуганным видом. Подошёл к ней, погладил по щеке. – Просто молода да избалована батюшкой, дочка любимая. Дурного ты не видела. Вот благодарности и не ведаешь. Научись благодарности, и впредь дурного не увидишь... А отчего ты, прекраса моя, на вечерю в Пировальню не спускаешься, рядом с супругом за стол не садишься гусяров да потешников послушать? Смущаешься? Или не любо? – князь пытливо посмотрел ей в глаза, будто всё названное Ольга не делала по собственной воле.

Какого же он ждал от неё ответа? Думал ли узреть радость на её лице?

– Желаешь меня видеть на вечере – явлюсь. Мне всё любо, что тебе угодно. Благодарю тебя, – пробормотала Ольга, потупив взор.

– Ну вот же! Золотые слова! На лету всё схватываешь! А говоришь – неразумница! – Игорь довольно рассмеялся. – А дрожишь почему? Боишься меня?

Ольга помотала головой.

– Верно, бояться меня тебе незачем, но слушаться и любить должно... Я же тебе не враг, а супруг. Но и твой князь – не забывай об том. Так отчего дрожишь? Ответь.

– Холодно.

– Холодно? – насмешливо переспросил князь, потому что в покоях было душно. – Коли так, могу и согреть... – его рука легла ей на поясницу. – Готова ли ты уже телесно к мужней ласке?

– Н-нет ещё, княже, – с запинкой ответила Ольга, опасливо ожидая увидеть недовольство на его лице.

– Ну, ничего, – неожиданно добродушным голосом откликнулся князь. – У меня нынче тоже иные заботы. Дружина ждёт за столом в гриднице. До завтра, прекраса моя, – он убрал руки, взял со стола украшения.

Ольгины колени подкосились, она упала на скамью и закрыла лицо руками. И ведь супруг ничего плохого ей не сделал, напротив, был на диво спокоен и даже как будто добр... Да уж, мнимо добр... Издеваясь над ней и унижая...

Встреча с родными, вместо того, что укрепить её волю и стойкость, совершенно лишила её сил – всего-то и хотелось, что жалеть себя и лить слёзы, вспоминая свою беззаботную жизнь в Плескове и размышляя о будущем, мнившемся совсем безрадостным. Что же с ней случилось? В кого она превратилась? Где та Ольга, которая не боялась отказывать князю и стреляла в его гридня? На смену ей пришло какое-то иное существо – испуганное и затравленное...

3. Были и басни

Следующие два дня прошли в разъездах и заботах.

Сначала Ольга с Яромиром и Искусеном, в сопровождении отряда гридней отправились в подаренный князем удел.

Село-застава Высокое, укрепленное земляными валами и бревенчатыми стенами, располагалось на горе всего в шестнадцать верстах на север от Киева. С горы открывался впечатляющий вид на Днепр, русло которого здесь, не успев пополниться водами впадавшей чуть ниже по течению Десны, было уже, чем у Киева.

Высокое имело собственную дружину, ранее состоявшую из пяти десятков человек. Теперь дружина усилилась воинами княгини, прибывшими из Плескова. Для них уже успели срубить добавочную гридницу вблизи крепостных ворот. Строительство шло и у края берега – возводились стены детинца, терем княгине и избы для людей из Ольгиного окружения – каменщика Камыка с семьёй и подмастерьем-помощником, кузнеца Идана, Искусена, Томилы с семейством, Первуши с Малиной, Фроди с Миланой.

Дворов в Высоком было под сотню. На общинных землях смерды выращивали пшеницу, а на огородах репу, капусту и плодовые деревья – яблони, вишни. Большие яблоневые сады имелись на краю посадов. А рядом с садами – бортные уголья. Хозяйство было крепкое – князь на подарок не поспешил.

Алатырь мыли выше по течению Днепра, в небольшом удалении от берега реки. На огороженном частоколом участке сосновой рощи в печанной почве были вырыты котлованы глубиной не менее пяти аршин. Рядом стояли бочки, наполненные водой. Несколько смердов набирали землю из куч в сита и промывали её водой из бочек, обнаруживая порой драгоценный самоцвет.

Надзирать за добычей Яромир поставил Фроди. Пока Ольга с Яромиром осматривали землекопню, к Фроди подошёл один из смердов с ситом, наполненным камнями.

– Вот и улов для тебя, княгиня, – улыбнулся Фроди, показывая самоцветы Ольге и Яромиру. – Не смотри, что камни неказисты. Алатырь в узорочье прозрачный, как молодой мёд, а этот пока словно коркой покрыт. Верхний слой нужно обточить, отшлифовать, и будет тебе самоцвет на бусы.

– Надобно умельца искать, – добавил Яромир. – Завтра, как давеча обсудили, посетим мастера на Подоле, о котором боярин Адун говорил. Поглядим, что за камень он делает из глины. Тогда же поспрашиваем об умельцах златных дел. Искусен с купцами потолкует, цены узнает на алатырь.

В полдень навестили Томилу. За столом в избе бывшего выбутского тиуна собралось множество народа: всё его семейство, Искусен, Фроди с Миланой и местный тиун, Обрад. Ольга узнала последние новости – две недели назад Малина разрешилась от бремени. Милана же была в тягости. Пополнения в семействе Фроди ждали зимой. Услышав про одно случившееся и другое грядущее материнство своих знакомиц, Ольга едва удержалась от тяжкого вздоха, подосадовав про себя, что ей самой пока не удалось исполнить первостепенное назначение супруги. А вот если бы ей посчастливилось зачать от князя, возможно, тогда она стала бы княгиней по сути, а не по названию...

На следующий день Ольга вместе с батюшкой поехали к гончарных дел мастеру на Подол. Жизнь под горой бурлила, ошеломляла, сбивала с ног всякого неподготовленного.

Подол представлял собой кипящую смесь начинавшегося почти от самой пристани огромного торжища и всего того, что обеспечивало этот не замиравший круглый год торг: складов, клетей носильщиков, купеческих подворий: арабского, немецкого, корсунского. Самой значительной была хазарская слобода, где останавливались приехавшие на время с Итиля-

Волги и Хвалыни купцы, но большей частью проживали коренные киевские хазары. Тот конец Подола так и назывался – Козары.

Торжище на две половины разделяла река Глыбочица. С одной стороны реки располагался скотный и зерновой рынок, с другой – рынок рабов и изделий всякого ремесла. Подол был ещё и местом проживания киевских мастеров – древоделей, кожемяк, кузнецов, гончаров, плотников, златников, стеклодувов.

Повсюду сновало огромное количество людей самых разных народностей, вероисповеданий, возрастов, ремёсел, говоривших на всех языках мира, одетых в пёстрые, непривычные одежды. Гомон людских голосов смешивался с криками животных. Ольга впервые увидела диковинных верблюдов – когда-то ей про них рассказывал Желан.

Ветер доносил смрадные запахи с кожевенных дубилен и дегтярных мастерских. Голова Ольги кружилась от разноголосья и пестроты. Пока их отряд направлялся к терему Адуна, продавцы наперебой предлагали свой товар – меха, посуду, узорочье, мёд, вина, пряности, ткани, оружие. Внезапно к Ольге пришло осознание того, что она вышла замуж за князя, под дланью которого было это необыкновенное место. Впрочем, торжище не подчинялось никому. Оно жило по собственным законам.

Наконец они добрались до расположенного вблизи от пристани дома Адуна. Рядом находилась изба, где сидели тиуны-мытники. Деревянные раскаты Подола заканчивались на берегу Почайны земляным валом – защитой от паводков.

Пока ждали Адуна, завершавшего неотложные дела своей службы, Ольга рассматривала возвышающуюся над прочими домами Подола постройку, островерхая крыша которой была увенчана крестом. Она ещё по приезде в Киев обратила на неё внимание и подумала, что это был моленный христианский дом. Расспрашивать тогда Ольга никого не стала – слишком велико было волнение после первых мгновений на Киевской земле.

Теперь Адун подтвердил, что этот высокий терем – церковь Святого Илии.

– Срубили на Подоле, потому как почитатели Христа шибко просили себе новую храмину, – рассказывал Адун. – В Киеве христиан ведь много. Ещё во времена до Вещего, прежде правители Киева приняли греческую веру от верховных царьградских жрецов. И храмы возвели и на Горе и в Угорском конце киевских посадов. В том конце и доньне христианская община проживает – среди них немало купцов, держащих торг с Царьградом. Князь Олег христиан сперва не жаловал, как на престол сел, церкву на Горе велел порушить, греческих жрецов изгнал. Спасибо, что не порешил – за лазутчиков враждебных их считал, что, впрочем, так и есть. А после, когда уж Вещий на Царьград походом сходил, своими глазами Греческое царство увидел и ряд с греками положил, задумался, что, может, есть в христианском боге какая сила, коли дал столько богатств и благ своим чествователям. Вот христиане и осмелели, принялись князя умолять о храмине и жреце – любой христианин ведь служителем Христа стать не может, для того и учиться надобно, и обряд посвящения особый пройти. Олег пообещал им помочь. Христиане, по правде, люди весьма полезные – небуйные, незлобивые, послушные княжьей воле, некоторые из них письмом владеют и грамотой. Я знаю, потому как и у меня на мытне такие служат.

– А ты сам, боярин, бывал в Царьграде? – спросила Ольга.

– Бывал. Отроком и юнцом с батюшкой своим на торг к грекам ходил многократно, после того как Олег с греками ряд устроил. А спустя время, князь Игорь меня главой мытницы поставил, я ведь и читать, и писать умею, и греческий малость знаю, хотя и не христианин.

– А откуда приехал жрец в киевский христианский храм? Из Царьграда? – полюбопытствовал Яромир.

– Да, сперва греческий жрец в церкви Ильинской служил. А позже княжна Евдокия своего привезла наставника в вере. Болгары-то хотя и христиане, греческому верховному жрецу – патриарху – не подчиняются – требы по-славянски справляют. Потому для княгини свою

церкву устроили, рядом с княжескими хоромами. А как грек упокоился, это уж после смерти Вещего было, князь Игорь нового христианского жреца из Царьграда звать не стал – наши волхвы противились тому. Тогда-то в церкви Ильинской болгарин обосновался. Но несколько лет назад и он помер. Княгиня горевала, грамоты слала в Преслав, нового просила себе священника. Так вот, лет шесть или семь тому, появился у нас новый жрец христианский из болгар – Григорием кличут. Приехал он, будучи по летам совсем юнцом, но зело книжен муж – в самом Царьграде науки всякие осваивал. После приезда Григория княгиня вскоре преставилась, хворала она шибко перед тем. Видно, только потому и держалась – нового священника ждала, а как только дождалась, так дух и испустила. Думали, Григорий восвояси уедет, но нет – прижился он в Киеве, христиане очень его любят...

– Слышал я, боярин, что греки и Вещего склоняли к своей вере и будто даже крестили князя? – осведомился Яромир, внимательно глядя на Адуна.

Говорил отец спокойно, но Ольга, хорошо умевшая различать разные оттенки батюшкиного голоса, тут же уловила, что спрашивает он у боярина нечто важное, волнующее его, и сама поспешила воззриться на Адуна. Действительно, сей простой вопрос ввёл главного мытника в некое затруднение. Адун опустил глаза долу, задумался, чуть поджав губы.

– Не смущайся, боярин, тайны великой ты мне не раскроешь. Мне о том сын Олегов сказывал, когда десяток лет тому назад мой град навещал, – успокоил Яромир.

– Верно, князь Плесковский, – вздохнул Адун. – Ныне об этом говорить не принято, и даже велено молчать. Олег крестился, и многие его воеводы вслед за ним. Обещал Вещий грекам и весь народ, что под своей дланью держал, к кресту привести. А греки взамен дюже выгодный ряд с князем положили – не новый, а продление того старого, коего Вещий силой добился. На три десятка лет купцы из Руси торговлю безмытную получили и полное содержание в Царьграде. Олег свой замысел воплотить собирался после похода на Хвалынь. Но всем известно, чем тот поход горемычный закончился – полегла на Итиле²⁰ почти вся русская рать, сам Вещий ранен был жестоко, едва выжил. Тогда-то волхвы понесли весть по Киеву и близлежащим землям – что дружина погибла из-за предательства Олегом веры отцовой. Они всегда были против союза с греками – предсказывали: бедой тот мир обернётся. С их слов, хазарский разгром и стал той самой бедой. Подстрекали волхвы людей киевских церкву Ильинскую пожечь, христиан порешить. Но воеводы Олеговы, вернувшиеся из похода, от князя не отреклись, бунты людские усмирили, храм пожечь не позволили. Но о том, чтобы крестить киян и прочих данников, Олег более речей не заводил. Хвалынская неудача надломила князя.

– И греки спустили нарушение ряда? – удивился Яромир.

– Чтобы оправдать нарушение ряда, Олег прилюдно от власти отрёкся – на престол после и не садился более. Хотя князем его до самой смерти величали, но для иноземных послов отговорка имелась. Да и кесари греческие, ряд с нашим Олегом положившие, тоже померли один за другим – так что вроде и обещанье сдерживать не перед кем стало. У греков в ту пору у самих забот хватало – то престол не могли поделить, то с болгарам воевали. А как болгар усмирили, помощь грекам понадобилась в бранях с сарацинами – наши вои на подмогу были отправлены – сначала пешими воевали за греков, а затем – и на море. Четыре года тому назад князь наш Игорь с Сурожской²¹ Русью поладил, переселенцев к ним отправил, а сурожцы в ответ год спустя за греков пошли воевать от его имени. Сурожцы – мореплаватели умелые, на больших ладьях ходят по Греческому морю²². Потому греки, нуждаясь в наших гриднях,

²⁰ Итиль – одновременно название Волги и города – столицы Хазарского каганата

²¹ Сурожское море – Азовское море. Сурожская Русь – так мои герои называют земли, расположенные на северном и восточном берегу указанного моря – в современной Ростовской области и Краснодарском крае, но не на полуострове Крым. Название Сурож применительно к городу Судак в Крыму – это, по моему мнению, более поздняя летописная традиция

²² Чёрное море. В 934 г. имел место поход византийцев в Лангобардию (Ломбардию). В составе византийского войска было 415 «росов» на 7 кораблях

пока довершений придерживаются. Вместе с тем Игорь ведь христиан не преследовал, в руки жрецам для кровавых треб не предавал, веровать в Христа не запрещал. А то, что пресвитера из греков отказался принять – так ведь потому, что свой уже имелся, болгарский то есть.

– В ловкости нашему князю не откажешь, – усмехнулся Яромир. – И с греками поладить умудрился, и жрецов уважил.

– Это да, – тут же подтвердил угодливый Адун. – Но всё же торговый мир ныне очень шаткий – и в любой миг греки могут ряды порушить, а через пять лет и вовсе срок довершений выйдет – а о продлении рядов греки и слышать не желают, по крайности, пока не крестится Киев.

– Так что же, война грядёт с Царьградом, как думаешь, боярин?

– Князь пока миром надеется решить...

– Как же миром-то решишь? Уж не креститься ли затеял Игорь по примеру Олеговому?

– То вряд ли. Крест принять – значит – князю Игорю со жрецами нашими поссориться – а они ведь всегда его поддерживали – волхв Перунов, Избора, из самого Новгорода вслед за князем, тогда ещё дитём грудным, приехал. Говорят, князь Рюрик Избору сына призреть послал – сколько Изборе ныне лет, и не ведаёт никто – а всё жив старик. Не пойдёт князь против старцев священных, иначе будет мира с греками искать. Князь по велению волхвов и княгинину церкву разобрал на Хоревнице, когда она померла. Боязно с волхвами ссориться. Олега-то, я думаю, они проклиjali – удачу у него увели, – понизив голос, сообщил главный мытник.

Затем Адун проводил их к мастеру, которого болгары обучили обжигать глину, превращая её в камень для построек. Ремесленный двор изготовителя плинфы находился на противоположном пристани конце Подола, ближе к Горе. Мастер по имени Местята показал им ямы, где разминали привезённую глину, и деревянные рамки, которые ею заполнялись. Излишки глины срезались ножом. Заготовки раскладывались на доски и просушивались на воздухе, а затем обжигались в больших печах.

– Прочен ли твой рукотворный камень? – спросил мастера Яромир. – И как долго его изготавливать?

– Плинфа дюже прочна, князь Яромир. Не страшится огня. Но готовится токмо в годину – покуда тепло и сухо. Две сотни в день я делал для Христова жреца. Работал всю прошлую годину и два месяца нынешней.

– А сколько надобно на небольшой терем?

– Терем? – Местята удивлённо выпятил губу. – Дык кто ж его знает? Не меньше десяти сотен, мню, ежеденно.

– А ежели с камнем чередовать?

– Чередовать всяко можно: и редко, и часто. Негли, и пяти сотен в день достанет. А где хочешь терем сладить?

– Да рядом тут. В Высоком. Слышал?

– Слышал. Князя, что ль, село?

– Теперь – княгини.

– Ясно, – мастер с любопытством воззрился на Ольгу. – Помощники надобны, один навряд управлюсь. Да и места на дворе нет, такие меры осилить.

– А есть кто на примете?

– Сын у меня подрос. Но двор у нас один, и печь тоже.

– А ежели мы твоему сыну избу в Высоком срубим? – предложил Яромир. – Печь успеете сложить, пока година? А как наступит травень, так и за дело приметесь. После сын может и дальше в Высоком жить – посуду станет делать, коли плинфа не понадобится.

– Что ж? – Местята почесал в затылке. – Мысль занятная, князь Яромир, давай потолкуем...

Яромир с Местятой договорились, что подмастерье будет работать всё тёплое время следующего года лишь на оплате с недями, взамен того, что изба и печи будут построены в Высоком бесплатно. Затем Яромир сторговался с самим Местятой, поставив ему условие, что к концу серпня в следующем году весь материал будет готов.

– Батюшка, неужто ты терем каменный задумал выстроить? – удивлённо спросила Ольга, когда они с Яромиром ехали с Подола в княжеский Детинец.

– Я, дочь, про греческий образ камнеукладчества Камыку рассказал – он думает, что справится с подобной постройкой, готов за дело взяться. Так что попробовать стоит. Деревянный-то терем мы тебе равно срубим за остаток лета и осень. А Местята глину нужную привезёт и образцы плинфы к серпеню сделает. Съездите с Искуси и Камыком, когда Местята с работой управится, – поглядите на сей камень, Камык на воротах в детинец поупражняется, тогда и решите.

– А что же изба и печь для подмастерья?

– Пригодятся. Устроишь в Высоком гончарный конец.

– Батюшка... Я ещё хотела спросить. Не про камень.

– О чём, дочь?

– Дагмара говорила, что Олег Рюрику поклялся ни одно дитя своим не признавать. Вещий, верно, желал от клятвы освободиться – потому исконных богов отринул и Христа принял. Сына хотел своим наследником назвать и престол княжеский ему оставить? – затаив дыхание, спросила Ольга.

Она вспомнила свой разговор с Дагмарой. Ей захотелось поведать о нём Яромиру, поделиться с батюшкой услышанными от Дагмары откровениями. О том, что Олег-младший, прозванный Моровлянином, был Ольге отцом, а Вещий, стало быть, дедом. О тайне самой Дагмары, которую ведунья открыла Ольге накануне её отъезда из Выбут... Дагмара любила Вещего, была его наложницей и даже родила ему двоих сыновей. Один из них умер в младенчестве, а другой – по достижении возраста девяти лет... Дети Вещего умирали... А он, желая сохранить жизнь своему единственному сыну, отрёкся от исконных богов, и её отец выжил... И родилась она... Ольга не решалась завести с Яромиром подобные речи, боясь своим любопытством к родному отцу обидеть названного батюшку. Моровлянин, видно, никогда в своей жизни и не задумывался о том, что у него могло быть дитя от Вельды. А Яромир заботился об Ольге и баловал её так, как и не всякий родной отец стал бы.

– Желать-то, конечно, мог, – вымолвил Яромир, вздохнув. – Но вряд ли это был главный повод для Вещего, предаться Христу. Вещий – муж разумный и деятельный был, и скорее о выгодах торговых пёкса, да узрел сполна – как у греков всё ладно устроено, и силу болгар оценил – вот потому и крестился. Но с волхвами не сдюжил, а они своей властью делиться со жрецами Христа не пожелали, потому и заводили речи, что, мол, мир с греками бедой обернётся. Твой-то супруг тоже, мыслю, не рад подобным союзникам – много власти волхвы в Киеве имеют. Но тебе пока об этом раздумывать не след, то князя забота...

Вечеряла отныне Ольга вместе с князем в Пировальне под песни гусяря, басни сказителя или глумы потешника-игреца. За столом сидели самые приближённые к князю знатные люди. Как-то раз были среди них древлянские тали²³ – два княжича – пятнадцати и четырнадцати лет отроду – сыновья князей из Житомиля и Коростеня. Игорь раз в седмицу повелевал знатым заложникам разделять с ним вечерю. Княжич Векослав был высоким, красивым отроком с тёмно-русскими кудрями и приветливым лицом, его двоюродный брат Малосвят – приземистый, коренастый, белёсый, глядел исподлобья волчонком.

²³ Заложники

Княжичи были отданы в тальбу после случившейся четыре года назад войны князя Игоря с древлянами и воеводой Олегом Моровлянином.

С тех пор древлянские княжичи жили в Киеве и пестовались ратными наставниками вместе с отроками младшей дружины Игоря. Изредка – пару раз в год – князь Игорь позволял тоскующим матерям и мятежным отцам, князьям из Коростеня и Житомиля, навещать своих отпрысков.

Подробности той войны, как и повесть о болгарской жене Игоря, Ольга тоже услышала из уст Асмуда во время путешествия из Новгорода в Киев.

Внимательно выслушав Асмуда, Яромир тогда спросил у него:

– Кого же древляне прочили в Киевские князья?

– Так Моровлянина и прочили.

– А чем им Игорь-то не угодил?

– Родом своим варяжским. С лёгкой руки Олега Вещего русью зовутся все кияне, окольные поляне и даже черниговцы, все те, кто под длань Вещего склонился. А было время, скажут, когда русь жила на реке Дунай, там, где ныне болгарская и угорская стороны, а ранее была земля обров²⁴. Среди болгар и доселе грады имеются, где русские князья сидят. К примеру, в устье Дуная – там наши купцы завсегда остановку делают по пути в Царьград.

Царство обров было сокрушено соседями и восставшими данниками²⁵. Сгинули как обры – сиречь, без следа. Слышала, княжна, поди, такую присказку. Освободившиеся от власти обров народы свои державы устроили: болгары на Нижнем Дунае, моравы на Среднем и на реке Мораве. Русь перешла Карпаты и поселилась с этой стороны гор. Поляне, уличи, древляне, волыняне, лендзяне и хорваты – все народы от Днепра до Карпат – данниками руси сделались, и князя русского и наследников его своими правителями признали. По подобию обров и хазар самый главный правитель Червонных земель, сидевший на престоле в граде Стольно²⁶, называл себя не князем, а каганом.

По реке Днестр и Греческому морю русь ходила в Царьград, а через пролив между Таврией и Тмутараканью в Сурожское море поднималась, через хазар на Хвалынь добиралась. Князь Волдимир Стольный крещенье греческое принял, как и болгарский, и моравский князья.

Главные грады Руси в Червонных Землях были, а Киев всего лишь околицей считался. И ныне Стольно и Плеснеск – самые большие грады во всех славянских землях. А есть ещё Сольско – в округе которого добывают соль. Стольно – ранее всем градам град был, но ныне второй после Плеснеска. Наследников мужеского рода у князя Волдимира Стольного не осталось, и первенство к другой княжеской ветви перешло, той, которая в Плеснеске правила. Плеснеск стоит на перекрёстке всех пеших и речных торговых путей. Через карпатские перевалы дороги из Плеснеска ведут к уграм²⁷, морavam и немцам. А речные пути соединяют с варягами, болгарами, греками, Киевом. По Висле и Верхнему Бугу варяги прибывали на Русь и нанимались к здешним князьям в дружины, русь их ровней себе не считала, служивым людом числила, не более, и даже тех, которых наместниками в иные русские грады посадила, подобно Аскольду в Киеве.

Вот потому князя нашего Игоря – и древляне, и уличи, и лендзяне пришлым варягом считали, захватчиком, на престол русский посягнувшим. Хотя это не так. Игорь Рюрикович – тоже князь рода русского. Новгородские волхвы знают преданья о том, что до того, как прийти

²⁴ Авары – кочевой народ центрально-азиатского происхождения, переселившийся в VI веке в Центральную Европу и создавший там государство Аварский каганат (существовал в VI–IX веках)

²⁵ В 796 году авары были побеждены и подчинены франками. В начале 9 в. Аварский каганат прекратил существование

²⁶ Под этим названием я подразумеваю славянский город, от которого осталось так называемое Стольское городище в Николаевском районе Львовской области Украины, на плато над поймой реки Колодницы, левого притока Днестра. Занимает площадь более 250 га

²⁷ Венгры

на Дунай, народ крови с русью единый жил между Вислой и Одрой. Волхв Избора родство Игорева прадеда по матери Гостомысла с древним русским князем Волдимиром²⁸ установил через все колена. Он великий воин был. Его наследники ранее карпатских русов из-под руки обрив освободились, вернулись в исконные свои грады на Варяжском море – Велиград, Старград и на остров Руян. Там и правили. Из Велиграда род Гостомысла происходил. Так что князья, что в Старграде и Велиграде, что в Стольно, Плеснеске и Сольско – все русской крови. Да и моравы, сдаётся мне, от того же рода, что и русь. У них даже и главные грады называются, как у варягов, – Стар да Велик²⁹.

– Выходит, и я – русской крови? Мой дед, Стемид, тоже в родстве с князьями Велиградскими? – Ольга изумлённо распахнула глаза.

– И ты, княжна, разумеется, – улыбнулся Асмуд. – Сам-то я не знаю-не ведаю, но иные люди думают, что русь – это не просто прозвание племени, потому как и молвь, и боги руси те же, что и у прочих племён славянских. Исстари русь – это люди знатного рода. Поля не пашут, жита не сеют, живут лишь войной и правят. Им дозволено убивать беззаконников, но должно защищать живущих по правде. Они носят плащи червонного и рудного сукна... Ведь красный – священный для руси цвет. Русь – племя гордое, склоняет головы лишь пред богами; их наставлениям, мудрыми старцами истолкованным, единственно внемлет... Вот от того и повелось стремление прочих народов прозваться гордым именем славного племени. Но мнится мне, чтобы стать частью руси, одной крови мало, нужен дух – отважный и деятельный... И разве не таков наш князь? Или твой батюшка? Или твой слуга покорный? Или ты сама? – прервав свою вдохновенную речь, Асмуд вновь улыбнулся, значительно помолчал и продолжил. – Все мы – русь. И недаром для греков едины грозные «росы» или «русиос», что в Киеве, что в Стольно. И для латинян. Но вот незадача – местный люд равно варягов чужаками числит. А Олег-младший – он-то сын моравской княжны. Недаром Моровлянином прозван. Русские и моравские князья друг друга ровнями считали, роднились меж собой. Дед Олега Моровлянина по матери, княжич Предслав, – сын князя Святополка Моравского, а бабка, жена Предслава, – дочь князя Волдимира Стольного. Методия, супружница Моровлянина, – тоже дочь русского князя Тудора, но не из Стольно, а из Плеснеска. По разумению местного люда, наследники Олега Моровлянина и Методии, как потомки знатных русов и моравов, прав на Киевский стол имеют больше, нежели сын северного князя Рюрика. Наш Игорь устроил бы князей Червонных в наместниках Киева, но отнюдь не первым князем среди прочих, которым является ныне.

– Я поняла, что мать Олега Моровлянина была очень знатной крови. Но ведь отец-то нет. Разве Вещий не такой же пришлый северный варяг, как Игорь? Только ещё и рода, с русью разного? Отец-то Вещего – князь урманский был, – вновь удивилась Ольга. – Как же Червонная Русь Вещего Олега князем в Киеве признала? Боялась, знать, его русь?

– Об этом, княжна, всякое сказывают, и уж не знаю, правда ли то или ложь. Когда Вещий захватил Киев – ту потерю князья русские не заметили: не до того было – их тогда больше дела с уграми занимали, думали, как бы спровадить скорей сей народ прочь из своих земель. А вот когда Вещий древлян покорил, подобную утрату они допустить не смогли – большая рать подступила с запада. А Вещий, чтобы людей своих не губить, дело поединком решить предложил – поочерёдно с тремя самыми бесстрашными воеводами сразиться пожелал. Условие стязания было такое – коли победит – то русь признает его князем Киевским и за древлянские земли

²⁸ Имеется в виду «русский» князь Вальдемар, который упоминается в Тидрек-саге, норвежской рукописи 13 века. Князя Владимира Всеславича, основателя Великого града, далёкого предка князя Рюрика, знает и Иоакимовская летопись. Хронологически Владимир Всеславич из родословной Рюрика может быть соотнесён с Вальдемаром Тидрек-саги, а Великий град из Иоакимовская летописи – с Велиградом варинов-ободритов

²⁹ Считается, что город Велеград был столицей Моравии. Точное его местонахождение не установлено. Предположительно, располагался в районе чешских городов Старе-Место (букв. Старый город) и Угерское Градиште, менее, чем в 10 километрах от которых находится деревня с названием Велеград

воевать не станет. Три вождя из противной рати вышли с Вещим на поединок, и Олег всех одолел, но не убил, поранил только. Всё это на глазах у огромного войска происходило, а затем Олег своих противников – и тех, с кем стязался, и прочих наблюдателей самых знатных в святилище Свентовита позвал, коего здесь Сварогом кличут. Молвил князь, что сам Бог верховный повелевает его князем признать. Несколько Олеговых самых верных людей и вражбых воевод и князей вошли в святилище. Что там случилось – никому доселе не ведомо – все видоки молчали о том. После того, говорят, Олега Вещим стали звать. И до сих пор люди гадают, что же тогда случилось, бают – сам Свентовит нарочитым воям явился и Вещего сыном назвал. Потому его и признали князем Киевским и в свой русский род приняли – не из-за знатности, а по воле самого Бога... Червонная Русь заключила с Олегом союз и на дань с древлян более не притязала. А после того, как Вещий греков победил и дюже выгодный ряд положил – русь его первым среди князей признала. А что им оставалось? Тоже ведь купцов своих хотелось на торжища царьградские отправлять безмытно. Русь-то ранее на Царьград ходила, но одолеть греков в бранях так и не сумела. Волдимир Стольный крещён был греками, но такого выгодного соглашения, как Олег устроить не смог. Не просто так Олега Вещим нарекли. Всё ему покорялось до поры. Вот только в битве на Итиле удача изменила Вещему. Тогда много руси полегло... Что было – то было... Да быльём поросло. Чего уж вспоминать... Наш-то теперешний князь тоже ведь не лыком шит. Пусть не так быстро, как его дядька, утвердил свою силу. Но ныне, кто бы чего не болтал и не придумывал, князь Игорь Рюрикович Киевский – достойный преемник Вещего и первый среди прочих князей Руси...

– Но ежели бы не пала Олегова рать на Волге, тяжко пришлось бы Игорю... – заметил Яромир.

– Мы, варяги, всегда за Игоря были, и новгородцы ещё, и русин Фаст с сыновьями, и Руалд, шурин князев. Руалд до поры удачей был не обделён – после побоища на Итиле выжить сумел. Так что у князя тоже сила имела, – с лёгкой обидой ответил Асмуд. – Но что война бы лютая была, это ты прав, князь Плесковский. Сыновья русских воевод, уже после смерти своих нарочитых батюшек, участвовали в бунте Моровлянина, вместе с ним бежали на запад. Из Олеговых соратников кроме Фаста сейчас один Гудти жив. Он правит в Сурожских землях.

Рассказ Асмуда о том, что жители Руси были готовы признать Олега Моровлянина своим законным князем, необыкновенно взволновал Ольгу. Как и мысль, что среди её предков были самые высокородные князья – моравские и русские... А её дед и вовсе самому Свентовиту родич оказался... Выходит, что она могла бы стать наследницей киевского престола и всей Русской земли ничуть не худшей, чем её супруг... И пленённые древлянские княжичи, без стеснения на неё на застолье глазевшие, должны были бы признать её власть над собой по праву рода, а не по праву силы её супруга-князя...

Однажды на вечере присутствовал приплывший на ладье из Царьграда варяжский воевода. Наёмник, остановившийся с дружиной в Киеве по пути в Старград, был зван в княжеский терем для подробного повествования о происходящем ныне в Греческом царстве. Князь, как позже узнала Ольга, всегда самолично общался со всеми странниками, следующими из Царьграда.

– Будь здрав, князь Игорь, – громко приветствовал правителя варяг, поднявшись со своего места, когда Игорь с Ольгой вошли в Пировальню.

Один из гридней, сопровождавших варяга, приблизился к князю и с поклоном поставил на стол перед ним серебряный кубок – дар.

– И тебе не хворать, Андимир. С какими новостями к нам?

– Да какие у меня новости? – Андимир пожал плечами. – У тебя вот, гляжу, все новости. Молвят, княгиней обзавёлся... – варяг широко улыбнулся и, не смущаясь, оглядел Ольгу. – Не врут.

– Не врут, – сдержанно ответил Игорь.

– Славное дело, князь. Женою доброю муж честен, всякому ведомо.
– Довольно пустословить. Лучше расскажи, как там ныне у греков дела обстоят?
– Затишье в Романии. С сарацинами мир, с уграми мир. Нет войны – нет нам ни златников, ни серебряников, ни добычи. Роман больше занят гонениями жидов. С хазарами у него немирье ныне, – ответил воевода, не скрывая досады.

– Да, шибко хазар невзлюбил Роман, – задумчиво молвил Игорь. – Даже в Таврии нет им покоя – иные жиды ко мне в Киев переселились. Супротив них воевать Роман вас не звал?

– Не звал, князь.

– Асы³⁰, слыхал я, лет пять тому супротив хазар выступали по наущенью греческому, – всё так же задумчиво произнёс князь, будто сам себе говорил.

– Неудачей тот поход для греков обернулся, – подсказал Асмуд. – Асы с греками рассорились, с хазарами сдружились...

– Да, вроде так. Сурожцы говорили о том...

– А каган жидовский, Иосиф, церкви рушит Христовы, – вновь вставил своё слово Асмуд. – Жизни лишает приверженцев веры греческой.

– Я не ведаю, князь, про затеи греков с хазарами, – отозвался Андимир. – Знаю лишь, что войны открытой кесарь не замышляет, едино прочь гонит из Царьграда жидов.

Чуть позже, когда нарочитые мужи употребили изрядно хмельного мёда, взгляды Андимира на Ольгу стали более явными и нескромными.

– Князь, позволь и княгиню твою почтить даром? Я сразу-то не додумался, не знал, врут-не врут про супружницу-то...

– Ну, почти...

Иноземный воевода самолично пожаловал Ольге в дар серебряную с голубым самоцветом застёжку на плащ, которую спешно принёс ему подручный отрок.

– Позволь узнать, князь, как обращаться можно к княгине? Как величать достойную супругу твою?

– Олёна. Прекрасная. Так звать-величать, – отрезал князь.

Ольга покосилась на него. Игорь как будто желал осадить варяга, умерить его любопытство и нескромное внимание к супруге, но вместе с тем не смог отказать себе в удовольствии побахвалиться.

– Слыхал я у греков одну басню про жену с подобным именем. То была великая волшебница и царица... – задумчиво промолвил Андимир, не вняв намёкам князя. – Только вот, бают, из-за неё разгорелась нешуточная брань меж мужей, – насмешливо добавил варяг.

– Я тоже слыхал ту басню. Но то у греков, а мы, русь, сами, коли надобно будет, приведём себе жён из заморских походов. Спой-ка нам, Лучезар, про Волха Всеславича.

Княжеский игрец на гусях завёл долгую, старинную песнь про богатыря Волха, рождённого смертной женой от волшебного змея. Волх, как и положено в баснях, рос – день за год и вырос воеводой, умелым не только в ратном деле, но и в искусстве оборачиваться и зверем, и птицей, и рыбой. Прознав о коварных намерениях хазарского царя пойти воевать русскую сторону, Волх упредил врага. Поочередно оборачиваясь то птицей, то зверем, Волх тайно проник в столичный град противника, погрыз тугие луки, искушал быстроногих коней, а следом сам со своей дружиной двинулся во вражеские земли. Достигнув неприступных стен хазарского стольного града, Волх превратил своих гридней в муравьёв...

Молодой Волх догадлив был,

Обернулся сам малой мошечкой,

А дружину всю – добрых молодцев –

До единого обернул да в мурашечек.

³⁰ Аланы

Ползли мурашечки быстроногие,
Пробирались за стены белокаменны,
А мошечка малая поверх железных врат
Летела прямиком да на царский двор.
У палат кагана иудейского
Собралась вся рать муравьиная.
Волхом вспять обернулася мошечка,
В удальцов обратились мурашечки.
Говорит им Волх Всеславьеич:
Вы ступайте-ка, удальцы мои молодцы,
Прогуляйтесь по царству иудейскому,
Напоите мечи вражьей кровушкой.
Не щадите ни старого, ни малого.
Пощадите токмо молодухек,
Красных жёнушек, дев-лебёдушек,
По выбору числом семитысячным.
Сам же Волх в палаты направился,
В расписные, золотые горницы,
Где на престоле черевчатом
Восседал Абадьяк с супружницей.
Не ждал Абадьяк – иудейский каган
Явленья пред очи Волха-витязя.
Убечь хотел, да не справился...
Настиг его Волх да об пол зашиб.
Взял себе царицей жену Абадьякову,
Прекрасную Олёну Лесандровну.
А его дружина добрая-хоробрая
На полоньянках красных переженилася...³¹

Князь любил басни про князя Волдимира Всеславьича и про его родичей, брата-воеводу Илию и сестрича-оборотня Волха. Это были богатыри той стародавней Руси, потомком которых волхв Избора вывел прадеда Игоря Гостомысла, а стало быть, и самого князя. Эти песни призваны были подчеркнуть русские корни Игоря и законность нахождения его на киевском престоле...

– Ишь, заглядываются на красу, – проворчал князь, увидев тем же вечером застёжку, игравшую бликами свечного пламени, на столе в Ольгиной опочивальне.

Ольга молча взяла узорочье и протянула супругу.

– Себе оставь, – поморщился Игорь.

После любовных утех, супруг в этот раз не отвернулся от неё. Лежал на боку, приподнявшись на локте, подперев голову рукой. Ладонь свободной руки погружал в её волосы, захватывал прядь и отпускал, раз за разом повторяя это движение и следуя взором за струящимися сквозь его пальцы Ольгиными волосами, словно заворожённый.

– Коли станешь ласковей, прекраса моя, и сына мне родишь – ни единого изъяна в тебе не сыщу, – задумчиво заметил супруг.

Видно, в этот вечер он выпил хмельного больше обычного, потому и был расположен к задушевным разговорам и почти похвалил её.

Ольга ничего не ответила – повелений не было, вот и молчала. И смотреть на князя не смотрела. Возможно, в тот миг нужно было нарушить запреты, пересилить нежелание – и тот-

³¹ По мотивам былины о Вольге

час начать исполнять намёк-наставление мужа. Наверное, ему бы понравилась подобная работоплепная искательность. А может, он даже этого ждал. Но Ольга упрямо молчала...

4. Расставание и раздор

Так незаметно перевалил за половину месяц серпень. Всего две седмицы лету осталось. Гроном среди ясного дня прозвучали слова батюшки о том, что срок его пребывания в Киеве истёк, и на днях он уезжает в Плесков. Для Ольги это и ранее не являлось тайной, но сердце не хотело верить в расставание – последние дни были наполнены покоем и, казалось, что так будет всегда. Ольгина душа заледенела.

И вот настал день, когда Яромир приехал в княжеский терем, длительно беседовал наедине с Игорем и распрощался с князем. Назавтра было назначено отбытие.

Утром Ольга поднялась, едва рассвело. Стараясь не разбудить спящего супруга, она, крадучись, вышла из ложницы, прикрыла дверь и растолкала сонных челядинок. Пока Нежка ходила в гридницу – передать дозорным гридням повеленье княгини собирать сопровождающий отряд, Любава помогала Ольге одеться. Нарушив мужнюю волю не покидать опочивальню ранее него и обойдясь без заутрока, Ольга направилась в свой удел.

В Высоком сборы были давно закончены. Ещё накануне товар, который Яромир собирался везти из Киева в Плесков, и сундуки с его именем были загружены в лады, наставления семейству и приближённым розданы. Тихонько всхлипывала, утирая глаза уголком поневы, Голуба, глубоко и печально вздыхал Томила, притихли Любим с Усладой и Лелей. Один Искусен был собран и спокоен: привык уже жить без батюшки во время своих иноземных скитаний.

Увидев батюшку, Ольга кинулась к нему, упала в объятия и, уткнувшись в плечо, заплакала. Услава с Лелей тоже заревели. Яромир взял Ольгу за руку, увёл в верхние горницы.

– Соберись, дочка, встрепенись, – поругал её князь Плесковский. – Будет слёзы лить. Не печальями ум занимай, а делом. С тобой помощники, дружина, брат. Триста гривен оставлю у Искусена. Но их особо не трать. Прибыток из Высокого извлекай: продавай мёд и алатырь за серебро, мастеров заведи, торжище обустрой. Пусть твой удел растёт и ширится. Твой удел – твоя личная лихва... Чем больше лихвы – тем меньше неволи. Разумеешь, дочка?

Ольга кивнула.

– Супружество – тоже надобно ладить. Скреплять брак наследниками. Ты, дочка, не того ещё... не затяжелела?

Ольга помотала головой.

– Ну, ничего, ничего, не смертельно. Живёшь-то с супругом малость. Успеется. Князь-то, чай, навещает?

Ольга вновь кивнула.

– Ежели что, помнишь, о чём мы с тобой в Новгороде говорили? – Яромир остро взглянул на неё.

Ольга опять кивнула, а глаза налились слезами.

– Ну же, тише. Ты вперёд далёко пока не гляди, на седмицу урок задавай, с ним и справляйся. Потихоньку да помаленьку – выстроишь жизнь.

– Увижу ли я тебя однажды, батюшка? – всхлипнула Ольга.

– Хотел бы порадовать, дочка, но врать не стану, – вздохнул Яромир. – Ты же знаешь, лет мне много. Боги дадут – доживу: сама приедешь проведать, тогда и свидимся. О том и думай. Да в кого ж ты такая плакса-то у меня? – улыбнулся Яромир и вытер слёзы с Ольгиных щёк. – Кровь в тебе течёт, помнишь чья? Та кровь, она не даст тебе пропасть.

– Ты знаешь, батюшка?

– Само собой, знаю. Нет для меня ничего тайного, что тебя касается. Олег Вещий, дед твой по отцу, богам был родич – не конунгу Ладожскому сын, мню, а самому Свентовиту-Сварогу... А бабка твоя, Олегова жена, она моравскому князю внучка. Её отец – Предслав – третий сын Святополка, князя Великой Моравии, павшей после его смерти от сыновних распрей

и натиска угринов. Киевские моравы Вещего поддерживали. Предслав, тесть, советником ему был. Золовка-то твоя недаром имя своё свейское переименовала. В Предславу из Хродмары переименовалась и будто к великому роду причастна стала. Славная дева... – усмехнулся Яромир.

– А как звали дочь Предслава и жену Вещего, мать Олега Моровлянина?

– Того не знаю, дочка. Слишком скоро она упокоилась – имя её позабылось, наши плесковские моравы его не ведали, а у отца твоего я не спросил. Он ведь приезжал ко мне в Плесков, в тот год, когда тебе пять вёсен исполнилось. Якобы за данью, а по правде Вельду искал. Любил её Моровлянин, забыть не мог. Так что знай – ты дитя желанное, плод истовой любви. И родом твоя мать не хуже Плеснеской княжны. Вельда по отцу тоже княжна... Просто Вещий водимую женой не позволил Моровлянину Вельду взять. Не с варяжской кровью пожелал сына роднить, а с русской. Ты же сама от Асмуда слыхала, что здесь, в Киеве, русь своими считается, а варяги – чужаками. Потому Вещий и женил его на дочери князя из Плеснеска. Видно, надеялся всё же, что Олег Моровлянин сумеет стол киевский отвоевать – род княжеский положить, снять с себя проклятье Рюрика, а тесть нарочитый поможет ему. Не вышло... Когда Моровлянин ко мне приезжал, я не сказал ему о тебе, и не только потому, что сам к тебе прикипел и от сердца не мог оторвать. Хотя и потому тоже, чего уж врать... Но более всего меня остановило опасение, что погубит он тебя. В отце твоём – божественная кровь Вещего дремала, не было в нём отцовской удачи. Так что уж не взыщи, доченька...

– Батюшка... Да разве я могу тебя в чём-то упрекать, – Ольга вновь залилась слезами. – Я никакого другого отца и не пожелала бы. Я в Плесков хочу, с тобой...

– За моей спиной всю жизнь хорониться не будешь, доченька. Я ведь не вечен, красавица моя, – Яромир вздохнул. – Я богов не устаю благодарить, что позволили мне тебя вырастить и дать тебе положенное по праву рождения – Киевский престол. Не иначе, сам дух Вещего помог. В твоём родном отце божественная кровь дремала, а в тебе пробуждается – ты у меня не только красавица, но и разумница, и отважная... А то, что с Игорем тебе нелегко, тоже я знаю. Коли уж совсем немоготу станет, пожалься Асмуду, он умеет укрощать нрав князя. Ну, думаю, и сама сумеешь справиться. Ведь кроме божественной крови твоего деда, течёт в тебе кровь колдовская руянская – не только от бабки Прибыславы, моей сестры, но и от матери Вещего – та тоже с Руяна³² была. Не единый муж не устоит перед тобой, коли того пожелаешь. Просто молода ты совсем, ещё бы пару лет тебе в девках походить, ну уж как сложилось, – Яромир поцеловал её в лоб и ещё напутствовал: – Боли и слёз врагам не показывай, раздоры прежде войны миром уладить старайся, но обидчикам, коли и замирились, веры не имей...

Яромир, его гридни и челядь стали собираться. Отец уговаривал Ольгу не ездить на Почайну, но она лишь упрямо мотала головой. Вместе с Искусеном, Первушей и Фроди они отправились провожать князя Плесковского на пристани.

На Подоле правила обычная суета. В конце лета ладьи редко прибывали в Киев, а вот покидали часто – купцы разъезжались по зимовкам. Но торжище всё ещё шумело, и никому вокруг не было дела до чужих горестей и скорбей. Вместе с Яромиром из Киева отбывали новгородские гости, те, которые весной следовали с Ольгой в Киев. Свободные ладьи, перевозившие Ольгиных гридней и родню, были заполнены товаром, на вёслах сидели нанятые гребцы. Два месяца всего пролетело, а казалось, что целая жизнь прошла.

Ладьи отчалили от пристани под пронзительные крики чаек. Батюшка не стал стоять на корме, а сразу скрылся в небольшом шатре, раскинутом для защиты седоков-путешественников. Ольга же не спешила покидать пристань. Затуманенным слезами взором провожала она плывающие ладьи, пока они не потерялись из видимости, смешавшись с прочими струями.

Вот и оборвалась ниточка, что связывала её с прежней беззаботной жизнью под надёжной защитой батюшки. Нет у неё больше защиты. Нет надёжных рук, чтобы обняли и успоко-

³² Современный остров Рюген

или, плеча крепкого, за которым можно спрятаться, нет спокойной, разумной воли, что вела бы намеченным путём и объясняла, как поступить нужно, как жить следует. И теперь всё в её жизни решает воля супруга, неуправляемая и жестокая, как разгулявшаяся стихия. Ольга чувствовала, как рвутся из груди рыдания, как невозможно дышать, будто железные тиски сдавили горло. А рыдать в этом людском муравейнике, под взглядами множества любопытных глаз, было нельзя.

– Поедем в Высокое, – шепнул Искусен, и она лишь смогла кивнуть.

Всю дорогу Ольга глотала слёзы, низко склонив голову. Наконец, дорога закончилась, и дом Томилы распахнул перед ней свои двери. Искусен махнул рукой встречавшим их домохозяевам, пресекая неуместные расспросы. Ольга взбежала по лестнице в Лелину горницу, упала на сестрицыно ложе и зашлась в рыданиях. Слава богам, никто не пришёл с утешениями, и Ольга рыдала, пока силы и слёзы не кончились. А потом просто лежала, глядя в потолок, не ведая счёта времени.

Наконец, тревожное терпение родственников кончилось, и в горницу осторожно заглянула Леля.

– Как ты, Олёнушка? Покушать спустишься? Или принести?

– Спущусь...

За столом в горнице собралось всё семейство, даже Малина с младенцем пришла, и все по очереди его нянчили. Никто Ольгу ни о чём не спрашивал, не жалел, переговаривались негромко о делах насущных да хозяйством занимались, будто день был самый обыденный.

Когда первые сумерки затенили окно, Томила тихо проронил:

– Пора возвращаться в свой дом, дочка.

И от этих слов в душе у Ольги всё перевернулось, глаза вновь налились-заблестели слезами.

– Ну-ну, что ты, – потрепал её по плечу Томила. – Ты не думай – мы же не гоним тебя. Коли можно было бы, насовсем у себя оставили. Но ведь сама знаешь – нельзя... Ты теперь жена мужняя и должна рядом с супругом быть.

– Спасибо за тепло и кров, Томила. Чем смогу, всегда помогать вам стану.

– Да не надобно помогать – себя береги. Ну всё, поезжай. А то гридни твои напрочь истомились, – он приобнял её за плечи и проводил к дверям.

Путь на лошади от Высокого до Киева занимал немного времени, но в конце месяца серпена вечера уже были коротки, и ночь наступала быстро – здесь в Киеве гораздо быстрее, чем в Плескове и Новгороде, – Ольга добралась до княжеских хором, когда почти стемнело. Нестройное хмельное разноголосье разносилось по двору: князевы гости покидали терем через Красное крыльцо. Их было немного: большинство сотрапезников уже разъехалось.

Ольга обогнула терем и вошла в дом через переднее крыльцо. Внутри повсюду горели масляные светильники и свечи.

– Князь там? – спросила Ольга у стражника в сенях, качнув головой в сторону Пировальни.

– Князь в жилой покой изволил подняться, – ответил гридень. – Почивать, видать, пошёл.

– Давно?

– Невдавне, княгиня.

Вознося молитвы о том, чтобы князь ещё не успел навеститься к ней в ложницу, Ольга миновала сени, поднялась по лестнице. Сердце опять защемило от тягостных мыслей и тревожных ожиданий. И не зря. В приёмной горнице она услышала какие-то чуждые звуки – шум, вздохи, стоны. Ольга толкнула дверь в опочивальню, вошла и увидела на своём ложе сплетённые любовожастием тела. Ольгино сердце учащённо забилось. Присмотревшись, она узнала супруга и одну из своих прислужниц. Ложе было развёрнуто к двери боком, и соителю тоже

увидели её, что, однако, не помешало им продолжить жаркие утехы. Чернавка изгибалась, прикикая к князю, стонала, но явно не от боли и не от огорчения, напротив, гляделась увлечённой любовным действием. А Игорю как будто это нравилось, подстёгивало его пыл и страсть.

В Ольгиной голове вдруг мелькнула отстранённая мысль – вот как, оказывается, можно вести себя на супружеском ложе – ранее ей ни разу не случалось быть столь явным видом чужих любовных забав.

Она резко развернулась. Чувствуя, как не хватает ей воздуха, вышла из покоев, бегом побежала по лестнице, ничего перед собой не видя, и вдруг налетела на кого-то. Этот кто-то обхватил Ольгу и, крепко к себе прижав, зашептал:

– Не беги, княгинюшка, токмо хуже сделаешь. Перетерпи обиду. Смирись.

Это была её вторая прислужница – Любава.

Права была чернавка – обижаться не имело смысла: никому ничего она не докажет. Но обида была. И не от измены супруга – пусть бы князь предавался утехам, с кем пожелает. Вот только зачем творить подобное на её глазах? Обида была от унижения, намеренно нанесённого ей князем. Задыхаясь и сотрясаясь от рыданий, Ольга уткнулась в плечо Любаве, и та по-матерински поглаживала её по спине. Так они некоторое время стояли на лестнице.

– Надобно вернуться, княгинюшка. Сделать вид, будто ничего не случилось.

Глубоко подышав, Ольга усмирила рыдания, и, с трудом переставляя словно закованные в пудовые цепи ноги, поддерживаемая Любавой, пошла вверх по лестнице.

– Нежка – гадкая девка. Когда князь пришёл, я схоронилась, остерёгшись попасться ему на глаза. Знаю нрав его любострастный. А Нежка вопреки, и так и эдак вертелась перед князем. Волочайка безстудная! Вот он её вином греческим угостил, ну и всё прочее...

– За что же он так ненавидит меня? – спросила Ольга больше у самой себя, нежели у Любавы, но расторопная девица поспешила ответить:

– Что ты, княгинюшка. Разве ж он приходил бы к тебе так часто, коли б ненавидел. Бают, прежнюю супружницу воотще крайне редко жаловал. Того сама не видала, правда, – мала была. А ты ж красавица, ради тебя и Ласковью из терема отселил.

– Кто это, Ласковья?

– Полюбовница его хазарского роду-племени. Имени её хазарского не ведаю, так все Ласковьей её кличут – князь, поди, сам и придумал за дужее любосластье. У него ведь все хоти – Лапушки, Ладушки да Прекрасушки... Ой, прости, княгинюшка, – охнула Любава и осеклась, метнув на Ольгу испуганный взгляд.

Ольга вяло отмахнулась, и Любава продолжила разглагольствовать:

– Думали, что веденицей наречёт её князь, так горячо привязался к ней, по люди с собой брал, на пиры рядом сажал, но слава Макоши, ты появилась. Не хватало ещё, чтоб нашей княгиней хазарка сделалась. А ты спрашивай меня, княгинюшка, спрашивай, я обо всём расскажу, о чём ведаю. Поговори – легче станет.

– В полюдьё брал? А отчего в Новгород с собой прошлым летом не взял?

– Руку она поломала – на ловах вроде с лошади упала. Лечец её греческий врачевал – велел в покое быть.

– А где она теперь живёт, эта хазарка?

– Нынче в Печерске, недалече от ловчих угодий. Там и прочие князевы хоти проживают. Токмо она порознь с ними – в своём тереме.

– А где прежняя княгиня жила? Евдокия?

– В нынешних покоях княжны Предславы. Княгиня последний год перед кончиной, говорят, хворала тяжко. Княжна Предслава всякий день в тереме проводила – с братаничами подсобляла, с хозяйством. А как спустя две весны сама овдовела, то насовсем в терем переселилась. Ласковья челядинкой при ней была. Вот князь пригожую челядинку и приметил... Рода она неведомого, знамо лишь что, хазарка. Мать её из похода Хвалынского в прежнее время

в Киев добычей привезли. Поговаривают, сам супружник княжны Предславы с ней тешился, оттого Ласковья при княжне и росла. Князь Ласковью шибче прочих хотей жаловал. Коли б чадушко ему родила – княгиней бы сделал, мню. Но Ласковья даже и не понесла от князя ни разу.

Ольга подумала о своей недалёковидности, о том, что давно стоило расспросить прислужниц про князя и его пристрастия, уж чернавки-то теремные обо всём знают. Почему не догадалась ранее? Верно, потому, что не привыкла у чернавок сплетни выпрашивать, в прошлой её жизни то не надобно было. Да и теперь пытаться расспросами челядь казалось ей занятием недостойным. Тем не менее, разговор с Любавою как-то успокоил её, на смену отчаянью пришло опустошение, а может, просто все слёзы на сегодня Ольга уже выплакала.

В ледяном спокойствии вошла она в свои покои и села в светлице на престольное кресло – ожидать, когда в её ложнице страсти утихнут. Скоро всё закончилось, и раскрасневшаяся, расстрёпанная Нежка в измятой сорочице выпорхнула из ложницы, стрельнула по княгине взглядом и, не сказав ничего, выбежала вон. После этого наступила тишина – князь, по видимости, уходить не собирался.

– Любава! – Ольга позвала свою чернавку. – В светлице мне постели, на лавке.

Любава явилась, испуганно вытаращила на Ольгу глаза, но перечить не решилась, метнулась в чуланчик – искать в сундуках постель.

Пока чернавка стелила, помогала Ольге раздеться, из ложницы вышел князь.

С кубком в руке, одетый в одни порты, остановился он в дверном проёме и воззрился на Ольгу, присевшую на край застеленной пуховой периной лавки. Любава спешно скрылась в чуланчике.

– Ты что это, прекраса моя, позабыла, где твоя ложница, или приглашения особого ждёшь? Так ты не смущайся, проходи, – Игорь отпил из кубка, и, повернувшись боком, повёл рукой в приглашающем жесте.

– Не пойду туда, где мне места нет. Здесь почивать буду.

– Обиделась никак? – князь усмехнулся. – С чего бы? Я велел всегда раньше меня в ложнице быть и ожидать? Велел. Ты ожидала нынче? Нет. Ты уговор нарушила? Нарушила. Коли жена мужа не ждёт, приходится другую жену себе брать. Верно?

– Виновата я, признаю. Повеление твоё не выполнила. Ты наказал, – Ольгин голос зазвенел и разнёсся по покоям. – Но спать после чернавкиных утех не лягу! Вели постель перестелить, тогда приду.

– Условия рядить надумала, дерзить? Зря!

– В чём же дерзость моя? Что на грязном спать не хочу? Тебе чернавками свою постель греть привычно, а я брезгую!

– Что?! Забыла, с кем говоришь?! – прорычал князь. – Забыла, что молчать должна?!

– Ты же сам меня нынче спрашиваешь, вот и отвечаю.

– А сейчас молчать велю! Слышала! Молчать! – заорал он и швырнул свой кубок в её сторону.

Правды ради, не совсем в неё, а в стену. Ольга замерла, вцепившись в край лавки.

– Коли такая смелая и разговорчивая, вечерять впредь в своих светлицах станешь и ночевать одна! Мне супруга послушная нужна, а не дерзкая. Если не поняла ещё, – с этими словами князь удалился прочь из её покоев.

Утром Ольга вызвала Граничара и сообщила, что не желает более видеть чернавку Нежку в княжеских хоромах. От новой челядинки Ольга отказалась.

Позднее Любава сокрушалась, что княгиня не пожелала выпороть коварную соблазнительницу и сообщила Ольге, что князь уехал из терема. Взял ближайшую дружину – Асмуда, ещё каких-то воевод нарочитых, человек десять.

– В Печерск на ловы отправились, – сообщила челядинка, расчёсывая вечером Ольге волосы.

– Откуда тебе только ведомо-то всё?

– Суженый мой гриднем служит в дружине. Он рассказал.

– Так ты что же, замуж собралась?

– Ежели отпустишь, госпожа, – засмушалась Любава.

Пару дней князя не было, а затем ближайшая дружина спешно вернулась.

– Послов ждут издалече, с самого Греческого моря, от касогов³³ каких-то, – просветила Ольгу всезнающая Любава. – Граничар роспись пировальную составляет, на поварне думают, чем гостей удивлять.

– От касогов? – удивилась Ольга, вспоминая, что это за народ такой, но тщетно – о касогах моравские наставники не рассказывали.

– Да. Вроде дочку князя ихнего просватать за княжича Олега хотят. На днях уж пожалуют гости.

– С Греческого моря, – задумалась Ольга. – Там, где Таврия и хазары?

– Не ведаю, княгинюшка – не моего ума то дело, – вздохнула Любава. – Скоро сама всё узнаешь, верно. Надобно решить тебе, как на пир нарядишься. Облаченье тебе приготовить – вот то моя забота.

Пока в тереме ждали-встречали гостей – а опальную княгиню звать на приветственные встречи и не думали – Ольга совместно с Камыком и Искусеном решила съездить к Местяте. Перед отъездом батюшка сказал Ольге, что они с Камыком уже поглядели первые образцы камня и одобрили рукотворчество. Но плинфы было слишком мало, следовало оценить большие меры. Вот за этим Ольга с Искусеном и отправились на Подол. Местята не соврал – плинфы, уложенной в деревянные короба, было в избытке. Камык принялся вынимать камень, стучать по нему, испытывая на прочность, Ольга водила рукой по поверхности коробов, с удовольствием ощущая гладкость рукотворного камня, и любовалась тем, какова плинфа одинакова и по размеру и по цвету. Все остались довольны работой Местяты.

После Местяты заехали на мытницу, зашли к Адуну расспросить, кто из торгового люда не покинул Киев – нужны были покупатели добытого алатыря и излишков собранного в Высоком мёда. Мытник назвал несколько имён, но предупредил, что с каждым из них нужно говорить обстоятельно – торговаться по цене и количеству сбываемого.

– Отрок у меня один на мытне служит смышлёный и грамотный – мог бы подсобить тебе в том деле, княгиня. Всех гостей торговых он знает-ведает.

– А что же тебе, боярин, самому столь ценный подручник не нужен? – полюбопытствовала Ольга.

– Затишье на пристани – не пора для гостей. Смердов я частично отпускаю на зиму, а Витку и пристанища нет. Я его у себя селил, но для обычных хозяйственных дел я себе и попроче челядь найду, а тебе такой человек пригодится...

– Печёшься ты о парне. Кто он?

– В Козарах ранее жил – сын жидина от полянской наложницы. Единственный, притом. Мать померла давно, отец год тому как. Хазары его своим не считают – мать-то из славян, да и сомневаются, что мать не нагуляла его, потому как других наследников у его отца не имелось. Но верней всего просто не ко двору им сын помершего родича. Коли признать его – то и наследством отцовым делиться придётся. Потому и прогнал его дядька. А других родичей не знает парень. Так и мыкается. А ведь грамотный – отец учил его письму и славянскому, и хазарскому...

– Такого отрока я себе в подручники возьму. Знакомь нас.

³³ Древнерусское название предков современных адыгов

Адун привёл низкорослого, худого, чуть сутулого парня, внимательно глядевшего карими глазами из-под высокого, выпуклого лба. Тонкий крючковатый нос и тёмные волнистые волосы выдавали в нём хазарскую кровь – сомневаясь в верности матери Витка его отцу, родичи явно лукавили.

– Пойдешь ко мне служить, отрок? – с улыбкой спросила Ольга.

– Почту за честь, княгиня, – ответил парубок. – Витомиром я наречён.

Когда отряд Ольги возвращался с Подола, на пути им встретилось затейливое конное шествие. Впереди на вороном, тонконогом, необычайной красоты коне – таких, кажется, называют армагаками – ехал в тёмном, шитом серебром кафтане и в белой пушистой шапке иноземного вида всадник. Его сопровождали люди в таких же шапках и подобного кроя, но более скромных кафтанах. Кони у них тоже гляделись скромней, однако лишь по сравнению с конём предводителя шествия – сами по себе это были прекрасные, породистые животные.

Ольга подумала, что это касоги. Отряд гостей ехал прямо навстречу её отряду – на деревянном раскате мостовой разъехаться с ними было бы невозможно – кто-то должен был уступить путь, съехав на обочину. Но Ольгины гридни не собирались этого делать – как-никак, саму княгиню сопровождали, ни кого-нибудь. Касоги тоже, вероятно, считали, что не пристало им, нарочитым гостям, сторониться. Два шествия неумолимо сближались.

– Горяй! – крикнула Ольга, следовавшему впереди гридню. – Остановись! Пропусти людей!

– Мыслимое ли это дело? – пробурчал Горяй.

Он и второй заглавный гридень всё же остановились, но спускаться с раската и не думали. Ольга подъехала к своим людям.

– То князя гости, Горяй, – негромко промолвила она. – Не ссорьтесь с ними. Уступите путь.

Недовольно и неспешно передовые гридни съехали с раската на обочины – один в одну сторону, другой в другую. Ольга повернула голову к тем, кто ехал позади, и кивком велела уподобиться Горяю и соратнику. Люди неохотно принялись выполнять приказ княгини. И вдруг предводитель шествия вскинул руку, призывая внять ему, и что-то произнёс на странно звучащем – свистяще-шипящем – языке. С правой стороны к касогу подъехал один из сопровождающих.

– Пшех Гумзаг просить остановить люди, госпожа, – на ломаном славянском языке проговорил человек знатного касога. – Мы проехать, вы стоять сторона.

– Встаньте справа, – крикнула Ольга своему отряду, и те, кто не успел съехать с мостовой, прижались к правой стороне.

Касоги цепью – голова в голову по левому краю мостовой принялись объезжать Ольгин отряд. Главный же касог оставался на месте и невозмутимо, но пристально взирал на Ольгу.

Он дождался, пока все его люди минуют Ольгиных людей, и последним тронул своего коня. Проезжая мимо Ольги, натянул поводья, остановился, недолго рассматривал её и вдруг белозубо улыбнулся. Касог был очень хорош собой и чертами лица напомнил Ольге Желана. Однако в выражении его лица было что-то такое, что выдавало в этом человеке знатного воина. Его тёмная, скромно расшитая серебром одежда удивительным образом шла ему, придавая гордый и значительный вид. Ольга улыбнулась в ответ и качнула головой, выражая благодарность за проявленное вежество. Касог коснулся ладонью груди со стороны сердца, тронул коня и уехал, а Ольгин отряд продолжил свой путь.

На следующий день был назначен пир, на который Ольгу не пригласили. Сокрушалась Любава, до последнего не веря, что князь мог так поступить с Ольгой, и всё охорашивала выбранный наряд, надеясь, что он ещё пригодится.

Касоги приехали, князь принял их, начался пир, а Ольга сидела в своих покоях в обществе лишь одной своей челядинки.

– Зачем не утерпела ты, княгинюшка, – ворчала Любава. – Зачем слова дерзкие князю молвила. Подумаешь, потешился малость с чернавкою, будто и правда цена нам какая есть. А нынче вот на пир не сажает с собой, так, глядишь, и ночевать перестанет ходить.

– Любавушка, не томись. Сбегай в Пировальню, поглазей на празднество, – сказала ей Ольга, устав выслушивать чернавкино недовольство.

– Ты позволишь, госпожа? – оживилась Любава. – Я быстренько, а потом расскажу тебе всё, да как было.

Вернулась её челядинка нескоро, и Ольга заметила, что посматривала на неё Любава как-то растерянно и сочувственно.

– Ну, что там? Сказывай, – поторопила Ольга.

– За главного у касогов князь молодой. Ох и хорош собою, – Любава мечтательно завела глаза горе. – Высокий, стройный. Токмо безволосый почти – головушка скоблёна, щетина чернявая едва пробивается, а с темечка едина прядь свисает. Уж почто у болгар с уграми причёски чудные с их-то косами, но здесь всяко чудней... Хотя другие чернавки сказывают, что когда три года тому сурожцы к князю приезжали, иные тоже с такими чубами были. Токмо вот, княгинюшка, такое дело...

– Что-то случилось?

– Случилось, госпожа. Князь Ласковью на пир привёл.

– Хазарскую наложницу?

– Да, – Любава удручённо кивнула, будто это ей самой князь изменял.

– Прямо рядом с собой её посадил? На престол? – голос Ольги дрогнул.

– Нет, на престоле один сидит, – Любава помотала головой. – Она со старшими боярами, с десницей Асмудом. Ещё кое-что узнала – завтра празднество будет на ратной площади перед гридницей. Конной удалью гости иноземные станут удивлять и прочими доблестями.

– Узнать сможешь, когда начнётся? И наряд мне приготовишь, какой скажу.

– Ты что же, княгинюшка, самовластно явиться туда затеяла? – испуганно ахнула Любава, но глаза её довольно сверкнули.

– Я незаметно. В толпе постою. Посмотреть уж больно любопытно на пригожую наложницу.

Наряд Ольга выбрала скромный – верхнее платье не из шёлка, а из плотного льна, впрочем, лён был покрашен в лазоревый цвет и преиспещрён вышивкой. Концы убруса она завязала под узлом из кос на затылке, оставив шею открытой. Закрепила убрус шитой серебром повязкой-очельем. Задумалась, какое узорочье надеть. Чужие дары супруг носить запретил, да вот только сам щедротами её пока не осыпал – выбирать особо не из чего было. И тут она вспомнила про подаренные Желаном серьги. Это узорочье она привезла из дома – будет считаться батюшкиным подарком. Взыграло ещё и желание какой-никакой мести – хоть так князю насолить.

– Что за баса³⁴! – восхитилась Любава, увидев серьги. – Самоцветы равно очи твои. Ты, госпожа, в любом наряде княгиней смотришься.

– Я в саду похожу, а ты сбегаешь к гриднице, поглядишь, что там, – велела Ольга. – Коли народа довольно собралось, мы с тобой незаметно к нему примешаемся.

Они с Любавой беспрепятственно вышли в сад, прогулялись немного для отвода глаз по дорожкам, и Любава отправилась на разведку. Вернулась скоро, бегом, едва увидела Ольгу, возбуждённо замахала руками. Что означало – надобно поспешать.

Охранники у ворот ратной площади пропустили Ольгу безо всяких замешательств, и опальная княгиня с чернавкой оказались среди знатных киян, допущенных за ограждение ратной площади. Стояли люди, образовав круг, спиной к Ольге с Любавой, потому никто не обра-

³⁴ Красивое украшение

тил на них внимание. Да и немногие успели узнать и запомнить свою княгиню – слишком редко Ольга бывала у подданных на виду.

– Вон там, госпожа, боярышни молодые собрались, – Любава указала рукой. – На красавцев касожских поглазеть пришли. Пойдём туда. Меж ними втешимся.

Так они и поступили. И вновь повезло. Разрумянившиеся девицы, дочери нарочитых родителей, взволнованно щебетали и звонко смеялись, обсуждая скорую забаву и иноземных красавцев, на Ольгу с Любовью не смотрели. Из-за девичьих спин неплохо просматривалось всё поле грядущего действия. Во главе был сколочен помост со ступенями, на нём стоял пустующий пока престол, по обе стороны от помоста были расставлены лавки, ныне уже заполненные нарочитыми зрителями. Среди них Ольга увидела Предславу и Милонегу. В середине площади стояли собранные из деревянных палок препятствия-ограды. Расположены они были в одну линию – сначала низкие, а затем высокие.

И вот появились семеро всадников в чёрных кафтанах и пушистых белых шапках на гнедых и вороных аргамаках. Толпа возбуждённо зашумела, заахала. Трое иноземцев пришли пешими, они встали в стороне рядом с низкой лавкой. Это были музыканты. Руками они придерживали орудия, похожие на накры-барабаны, которые упирали в бедро поставленной на лавку ноги. В эти накры они стали постукивать, создавая ритм, под который всадники горделиво гарцевали по кругу. У ног стоящих уселись гудцы с дудками в руках.

Среди этих семерых всадников Ольга узнала встреченного на Подоле знатного касога, которого сопровождавший толмач назвал Пшех Гумзаг.

И вот, наконец, появился князь. Он стремительно проследовал к помосту, сопровождаемый иноземными гостями и своими приближёнными, среди которых Ольга увидела Асмуду. В нескольких шагах позади шла, не шла – плыла, невысокая, но очень ладная красавица Ласковья. Ольга вытянула шею и подалась вперёд, стараясь разглядеть получше любимую наложницу своего державного супруга. Цветная парчовая ткань верхнего платья обрисовывала её тонкий пышногрудый стан. Волосы, как у замужней жены, были закрыты убрусом, завязанным вокруг подбородка и шеи. Массивные привески спускались с высокого очелья вдоль висков до самой шеи. Глаза у Ласковьи были подведены тёмной краской на восточный лад и казались чересчур большими и яркими. Князь поднялся на помост, занял престол, рядом на столец присел один из посланцев, остальные касоги, приближённые бояре и Ласковья расселись на ступеньках.

И тут же музыканты с силой обеими ладонями забили в свои орудия, а всадники помчались по кругу.

Неслись галопом красавцы-кони, и удалыцы-наездники чего только не вытворяли на спинах своих жеребцов. В сёдлах переворачивались, перекидывали обе ноги на один бок коня и вставляли в стремени, затем, держась за луку седла и всё также расположив тело с одной стороны, вытягивали вперёд ноги, на одних руках разворачивались, прижимаясь животом к жеребцам, и почти касались ногами земли. А самым ловким и умелым наездником был Гумзаг. Он один из всех, чуть согнув ноги в коленях, вставал подошвами сапог на изгиб седла и, придерживаясь за уздечку, сохранял равновесие на спине скачущего коня. Толпа, увидев сей впечатляющий трюк, заулюлюкала, засвистела, выражая восторг.

А затем наездники стали перепрыгивать через препятствия. С низкой оградой все всадники справились, через среднюю прыгали лишь четверо, преодолевать самое высокое препятствие взялся один Гумзаг. Разогнался, насколько позволяла длина площади, и преодолел, осадив коня прямо перед зрителями. А самая высокая ограда располагалась как раз с той стороны площади, где стояли боярские дочери. И обратно лихой наездник проехал мимо девичьего ряда. Красавицы замахали ему руками, а одна из них протянула платок. Касог свесился из седла в сторону девичьего ряда и, приложив руку к сердцу, изобразил поклон, а затем ловко выхватил платок из рук девицы, вызвав довольный визг. Платок забрал у одной, но взор направил на другую – он увидел Ольгу и узнал её.

После, когда удалые наездники вновь проезжали вокруг площади, Гумзаг всякий раз задерживал взгляд на Ольге.

Завершив конные упражнения, касоги спешили и, выстроившись вокруг площади, поклонились князю и приближённым. Их кони, подогнув передние ноги, тоже как будто поклонились. Пара касогов, стоящих вблизи девичьего ряда, заставили своих коней подогнуть и задние ноги и жестом пригласили девиц подойти. Две самые решительные девицы вышли – касоги указали на сёдла коней – девицы со смешками присели бочком. Удальцы жестами велели им хвататься за луку сёдел и похлопываниями заставили коней подняться – девицы завизжали, засмеялись и оказались вознесёнными на высоту верховых коней.

Вслед за своими соратниками к девичьему ряду подъехал и Гумзаг. Пристально глядя на Ольгу, он протянул в её сторону руку и сделал красивое движение ладонью, вызывая в круг. Ольга, смешавшись, хотела отступить вглубь толпы, но девицы, стоявшие сзади, засмеялись и подтолкнули её вперёд. Любава охнула. Стояла она у Ольги за спиной, и та не могла видеть, что как раз-таки её челядинка своими ужимками и жестами и побудила девиц к шалости. Ольга оказалась прямо перед касогом, который ястребом соскочил с лошади, похлопал своего коня по боку, и разумная животина, согнув ноги, опустилась перед Ольгой – Гумзаг повёл рукой, предлагая ей сесть в седло и по-славянски сказал:

– Не бойся.

Ничего не оставалось делать, как принять приглашение знатного иноземца. А два других удалыца, усадившие девушек на коней, заметив, что их спутницы освоились и более не визжат, осторожно повели коней вокруг ратной площади. Гумзаг же, оценивший уверенную посадку Ольги в седле – пусть даже ей и приходилось сидеть боком – посчитал малостью просто вести коня под уздцы. Он встал одной ногой в стремя с противоположной от Ольги стороны, поднял своего коня и последовал за товарищами. При этом каким-то удивительным образом Гумзаг умудрялся не касаться Ольги.

Ольга застыла как изваяние, размышляя о том, что её теперь ждёт. Веселие вокруг расплывалось цветными пятнами. И среди этих пятен Ольга чётко увидела лицо князя. Её супруг гневно выпрямился на престоле и впился в неё взглядом. Наконец, завершив свой трюк, касоги опустили коней, и девушки покинули сёдла. Посмотрев на Гумзага, Ольга кивнула ему и, развернувшись, быстро отошла к зрителям, где её уже ждал Асмуд. Он окликнул её по имени и качнул головой, призывая следовать за ним.

– Что же творишь ты, княгинюшка, – негромко, но грозно спросил Асмуд, когда они удалились от толпы.

– И что же? – переспросила Ольга отстранённо. И правда ведь, она ничего страшного не творила.

– Зачем ты выводил князя из себя? Я вот о чём.

– Князь злится из-за всего, чтобы я не сделала, и слишком скор на наказание. Моя доля ничем не лучше доли наложницы, даже хуже, мне-то места нет ни на пиру, ни на празднестве... Порой мне кажется, что князь ненавидит меня.

– Глупость ты сейчас речёшь, княгинюшка. Если бы ненавидел тебя князь, разве взял бы тебя в жёны.

– Так ведь из-за Новгорода взял.

– С Новгородом и без тебя бы разобрались, коли надобно было. Может, князь немного злится из-за дерзости твоей... Ты должна понимать, что супруг твой не простой человек и привык к повиновению. Тебе следует быть послушной, терпеливой и разумной. А тебе всё кажется, что ты балованная боярская дочка, которой всё позволено... Мне жаль, княгинюшка, но я должен проводить тебя в твой покой и передать охране терема приказ князя никуда тебя не выпускать.

– Что меня ещё ждёт?

– Не знаю, – вздохнул Асмуд. – Но князю перечить не советую, чтобы ни случилось. Прогонять тебя и жизни лишать князь, конечно, не станет, а со всем прочим можно и смириться – наказание перетерпеть... А я, коли желаешь, замолвлю словечко за тебя – скажу князю, что, мол, переживаешь-раскаиваешься...

– Спасибо, боярин. Не стоит.

– Зря упорствуешь, дочка. Ты ведь князю по сердцу пришлась, лаской и смирением могла бы из супруга своего верёвки вить.

– Я потерплю...

Асмуд укоризненно посмотрел на Ольгу, вновь вздохнул, но более ничего не сказал.

Когда солнце закатилось за полдень, пришёл князь. Он плотно затворил за собой дубовую дверь. В руках князь держал плеть.

– Разоблачайся, – кратко приказал супруг.

Ольга разделась до сорочицы.

– Всё с себя снимай. И косы распусти. И живее. А не то помогу.

Князь расстегнул плащ, вместе с плетью отложил его на скамью и приблизился к Ольге. Выглядел он почти спокойным, лишь глаза были ледяными да желваки на скулах ходили. Безо всяких словесных упрёков и упреждений, размахнувшись, он ударил её по щеке – в глазах у Ольги потемнело, и она упала на колени.

– Как посмела ты срамить меня перед гостями иноземными! – прорычал он. – Раз не звал я тебя на празднество, знать, сидеть тебе в своём покое было след! Безвылазно! За самовольство и дерзость свои отвечаешь!

Князь нагнулся, схватил её за волосы, вынуждая встать на ноги. Но едва она утвердилась, тут же отшвырнул от себя, вниз и чуть в сторону, так, что она отлетела к ложу и ударилась об него одновременно плечом и виском. От острой боли, пронзившей тело, слёзы сами собой брызнули из Ольгиных глаз.

Дрожащей рукой Ольга коснулась виска, поглядела на испачканные кровью пальцы. Вид собственной крови испугал её сильнее боли, она всхлипнула и перевела взгляд на супруга.

Он стоял над ней с плетью в руках, в его глазах не отражалось и тени вины.

– Думала, я и впредь буду с тобой шутки шутить! Ошибалась! – князь склонился к Ольге, сжал её волосы и потянул вверх, заставив Ольгу подняться. Надавил ладонью на затылок и шею и уложил животом на постель. Уткнув её лицом в меховое покрывало, он высвободил руку из её волос, откинул их в сторону, выпрямился и вытянул плетью поперёк её оголённой спины.

– Слов не понимаешь, плеть объяснит! – ещё раз хлестнул. – Запомни, здесь всё лишь по моей воле происходит. По моей! И больше ни по чьей! Никуда не выйдешь из терема! Здесь безотлучно сидеть будешь и меня ждать и ублажать, ежели прийти пожелаю! – приговаривал Игорь, нанося удары.

Натешившись, князь отбросил плеть. Присел на край ложа, нетерпеливо снял сапоги и рубаху, развязал порты, а затем перевернул Ольгу на спину и навалился на неё, прижав ранами к ложу – беспомощный вид истерзанного, обнажённого тела жены чрезвычайно возбудил его. Ольга вскрикнула от боли.

– Кричи, – прохрипел он, вторгаясь в её тело. – Громче кричи.

А на смену крику пришли рыдания и стоны от боли, смешавшиеся с его сладострастными стонами. И чем сильнее было её страдание, тем ярче становилось его удовольствие. Достигнув вершины удовольствия, он рухнул на её тело и опустил лицо в разметавшиеся Ольгины волосы, сердце его бешено стучало. Придавленная его расслабленной тяжестью, Ольга едва могла дышать и лишь судорожно всхлипывала.

Полежав некоторое время неподвижно, Игорь поднялся и принялся размеренно, не спеша, одеваться. На жену князь больше не злился. Он полностью успокоился и, более того,

изрядно наслаждался свершившейся расправой – Ольгина дерзость была spolна наказана и укрощена.

Одевшись, князь присел на край ложа. Ольга лежала на менее всего пострадавшем от избиения боку, обхватив руками притянутые к груди колени и укpывшись волосами. Он отвёл с её лица волосы и осмотрел рану на виске.

– Больно тебе, прекраса моя. Ну, да ты сама виновата, – заключил супруг. – Лекаря к тебе пришлю завтра. Сегодня уж потерпи, – поднялся и ушёл прочь.

5. Ссора с волхвами

Едва вышел князь, в ложницу вбежала перепуганная Любава.

– Княгинюшка, милая, что же это, – запрочитала она.

– Принеси тряпиц чистых, воды и вина, – пробормотала Ольга.

Спустя время Любава промыла Ольге раны, перевязала голову и спину и помогла надеть ночную сорочницу.

– Лекаря тебе надобно, княгинюшка.

– Завтра лекарь придёт. Разбуди меня пораньше, если вдруг усну...

– Хочешь, побуду с тобой, госпожа?

– В светлице ляг. Позову, если что...

Наутро в углу рта запёкся кровоподтёк, нижняя губа распухла. На виске до глаза налился синяк, заплыло веко. Болело ушибленное плечо, саднили раны на спине, и всё тело ныло.

Ольга с трудом умылась, Любава расчесала и убрала ей волосы, принесла снедей. Есть совсем не хотелось.

Пришёл лекарь – муж средних лет, черноволосый, сухощавый, коротко стриженный.

– Здрава будь, княгиня. Позволь, осматрю тебя.

– И тебе здравствовать. Как зовут тебя?

– Евтихий.

– Ты грек?

– Да.

Лекарь снял повязки, осмотрел висок, велел Ольге поводить глазами, следуя взглядом за движением его руки, потрогал жилку на запястье. Пощупал плечо. Протёр раны вином и нанёс какие-то мази.

– Вывиха нет в плече, раны не глубокие. Заживляющую мазь я тебе оставлю. Пусть трижды в день прислужницы смазывают твои раны на спине и прикрывают тряпицами. Чтобы уменьшить боль, пей молоко, прокипячённое с маковым зерном. К вечеру боль стихнет. На ночь выпей успокоительный отвар из кошачьего корня. Сегодня я сам сделаю и принесу тебе. Прислужнице твоей объясню, как заваривать. Тело у тебя молодое, крепкое – скоро поправишься.

– Эвхаристо, иатрос³⁵, – произнесла Ольга по-гречески.

– Ты знаешь ромейский язык? – удивился лекарь.

– Олигос лексис³⁶.

– Ти эпатэс? То эписа о архонтас?³⁷

– Нэ³⁸, – подумав, ответила Ольга.

– Халепос архонт³⁹.

– Халепос? Не знаю этого слова.

– Анимерос, какос⁴⁰.

– Понятно, – ответила Ольга, не соглашаясь, но и не отрицая.

– Я снова приду сегодня, не прощаюсь, княгиня.

³⁵ Спасибо, лекарь

³⁶ Несколько слов

³⁷ Что с тобой случилось? Это князь сделал?

³⁸ Да

³⁹ Жестокий князь

⁴⁰ Зверский, злой

– Евтихий, когда архонт еросити пери эму⁴¹, – с трудом подбирая слова, произнесла Ольга. – Прошу, ипе – ди ме перипатин⁴².

– Са леги, архонтисса. Игияне⁴³.

Когда вечером лекарь принёс ей успокоительное питьё и мазь для лечения синяка на виске, он вновь обратился к Ольге по-гречески:

– Ин син то архонти. Ипон ун авто, ори ди анапсихин, ипнон кэ то прос тон аера ексо диатривин диа тин тис психис кэ ту соматос игиан су инэ⁴⁴.

– Дисхерис⁴⁵, – Ольга покачала головой. – Не понимаю тебя.

– Я выполнил твою просьбу.

– Эвхаристо, Евтихий. А где ты живёшь? Здесь, в хоромах? Я ни разу не видела тебя ранее.

– Нет, не в хоромах, но недалеко от них. На Хоревнице у меня небольшой дом, где я живу и принимаю больных. В терем прихожу по велению князя.

– Как ты попал в Киев?

– О, это долгий сказ. Не для нынешнего посещения, – уклонился от ответа грек.

– Судя по тому, как ясно ты изъясняешься на языке славян, ты давно живёшь в наших землях. Скажи, есть ли у тебя какие-нибудь простые книги на твоём языке? Я бы хотела учиться греческой молви и дальше.

– Я был бы рад стать тебе полезным, княгиня. Но мои книги слишком сложны – это труды знаменитых лекарей – Гиппократиса, Цельса. Хотя, мне кажется, я знаю, кто бы мог тебе помочь. Когда я приехал в Киев, пресвитер Григорий позволил мне пользоваться своим переводным азбуковником⁴⁶, где греческие слова толковались славянскими. Он составил его для себя, когда обучался в Константинополисе. Я попрошу у него. Этот переводник поможет тебе в изучении ромейского языка.

– Терпнос гносис⁴⁷, – сказала Ольга и даже нашла в себе силы улыбнуться лекарю.

Через неделю синяки и раны начали проходить. Но из покоев Ольга ещё не выходила. Князь не торопился выполнять совет греческого лекаря. А затем уехал из терема на ловы вместе с касожскими послами. Иноземные гости задерживались в Киеве, ожидая прибытия из Смоленска наследника: речь действительно шла о женитьбе Олега на касожской княжне.

Через Любаву и её гридня-жениха Ольга предупредила родственников в Высоком о том, что её поездки на время прерываются. Ольга велела объяснить родным своё отсутствие в Высоком заботами, связанными с приёмом касожских послов, – такой предлог она посчитала наиболее правдоподобным и наименее тревожным для близких. Ей не хотелось волновать Искусена и семейство Томилы, сообщать о какой-то своей болезни.

После того как Евтихий принёс азбуковник пресвитера Григория, Ольга принялась переписывать слова из переводника на харатьи – благо, что писчие принадлежности – листы из кожи и чернила с пером – у неё имелись. Эти ценные вещи были куплены Искусеном на торжище в Арконе и подарены ей братом на свадьбу. Несколько листов харатьи ей дал Яромир – в случае крайней нужды она могла написать отцу. С собой из Плескова Ольга привезла ещё и выделанную для письма бересту и железные писала. Ими да восковыми табличками она ранее

⁴¹ Князь спросит обо мне

⁴² Прошу, скажи – мне нужно гулять

⁴³ Скажу, княгиня, поправляйся

⁴⁴ Я был у архонта. Сказал ему о том, что для твоего душевного и телесного здоровья нужен покой, сон и прогулки на воздухе

⁴⁵ Трудно

⁴⁶ Словарь

⁴⁷ Приятная весть (знание)

пользовалась, обучаясь письму. Но азбуковник она решила переписать на харатьи, чтобы потом скрепить их в настоящую книгу, подобную «Псалтырю» наставников-моравов.

Пресвитер Григорий все слова и выражения в азбуковнике разбил по порядкам, озаглавив их обобщающими названиями – «Качества», «Деяния», «Расхожие речения», «Состояния духа и ума», «Вещи – облачение», «Пища и питьё» и прочие порядки, в конце каждого из которых оставалась одна пустая харатья, позволяющая дополнить главу. Слова располагались тремя столбцами: в первом – греческая надпись, во втором – звучание греческого слова, переданное болгарской грамотой, и в третьем столбце – славянский перевод. Некоторые болгарские слова, хотя и понятные Ольге, звучали несколько иначе в сравнении с привычной словенской новгородской, плесковской и даже киевской молвью. Ольга записывала их в знакомом ей звучании и несколько раз повторяла вслух, чтобы запомнить. Память у Ольги была отличная, её способность быстро всё запоминать всегда удивляла и восхищала моравских наставников. Писать выходило сложнее, зато выводимые ей буквы выглядели красивей, чем у пресвитера Григория. И Ольга, иногда прерывая письмо, любовалась своей работой. Это трудоёмкое занятие, отнимавшее у неё почти всё время, кроме новых знаний, приносило ещё одну ощутимую пользу – отвлекало от тягостных мыслей.

Когда пальцы и глаза уставали, Ольга выходила на гульбище и подолгу созерцала сад и открывавшийся за ним вид на Подол и Днепр с Почайной. Лето закончилось, пришёл месяц вересень, едва заметно, но верно обозначивший приметы увядания. Первые жёлтые листья слетали с ветвей, солнце светило ласково, но будто устало, без весеннего задора и летнего исступления. И этот, только лишь наметившийся, но неизбежный упадок природных сил был созвучен опустошению, поселившемуся в её душе.

Воскрешая в памяти события, предвалявшие её заточение, Ольга внутренне содрогалась. Она понимала, что если взглянуть на случившееся с ней отвлечённо, спокойно, то стоило признать поступок супруга делом обыденным. Наказывать жену за непослушание – право мужа. Но её ведь никто никогда раньше не бил. Отец и голос-то на неё редко повышал. «Плохого ты не видела» – приходили на память слова супруга. Теперь вот увидела... И было обидно и горько. Хотелось плакать и жалеть себя, но ведь так она уже поступала.

Возможное продолжение минувших событий пугало не меньше воспоминаний о них. То, что князь придёт к ней снова, являлось столь же ужасной вероятностью, как и то, что он более не пожелает её видеть, и её заточение останется неизменным и безлетным.

Впрочем, не стоило себя обманывать – эти вероятности не были равноценны... Преодолев очередную веху на пути превращения из беззаботной девы во взрослую жену, Ольга ясно осознала меру своей зависимости от могущественного супруга. Если Игорь оставит её без внимания, она станет никем. «Иная жизнь, она хуже смерти», – однажды заметил князь Киевский. Он знал, о чём говорил, и мог ей устроить подобное. То, что случилось с ней недавно, это всё мелочи, это можно было и потерпеть. Так ведь ей сказал десница, человек, прошедший рядом с князем не один год... Возможно, когда-нибудь она станет значимой, сделавшись матерью наследника, возможно, если ей хватит сил и хитрости, однажды она обретёт значимость даже и сама по себе, но сейчас она всего лишь вещь своего супруга. Обидно и горько... Но удел стать никем гораздо горше доли быть вещью в том случае, если ты – вещь, значимая для своего могущественного обладателя. А доселе она была супругу нужна...

Какое-то глубинное женское чутьё подсказывало ей, что Игорь вряд ли оставит её без внимания, слишком нравилось князю обладание ей, предварённое подавлением и угнетением её воли и тела. Какие чувства она явит ему, когда он возжелает увидеть её? Покорность, дерзость, равнодушие? Всё одинаково плохо. «Ты ведь князю по сердцу пришлась, лаской и смиреннием могла бы из супруга верёвки вить», – вспоминались наставления многоопытного Асмуда. И об этом ей не только десница говорил, но и Яромир, и Дагмара. Всё это понятно, но кто научит, как справиться с собой и суметь стать ласковой со своим мучителем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.